

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ГРААЛЬ

р о м а н

Найти волшебную
палочку возможно.
Гораздо сложнее
потом от неё
избавиться.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Наш маленький Грааль

«ЭКСМО»

2007

Литвиновы А.

Наш маленький Грааль / А. Литвиновы — «Эксмо», 2007

Макс Шадури́н и его сестры Ася и Маша были поражены, приехав к деду в приморский поселок Абрикосовка. Вместо избушки на курьих ножках, которую тот выстроил, продав городскую квартиру, они увидели роскошный особняк. Откуда взялись такие деньги?.. Оказывается, дед позвал их за тем, чтобы торжественно вручить найденную на берегу бронзовую чашу — якобы она спасла ему жизнь и подарила богатство. И теперь Шадури́н-старший хочет, чтобы чаша принесла удачу его любимым внукам: теннисисту Максy, которому в последнее время фатально не везет, Асе, которая погрязла в домашнем хозяйстве и воспитании грудного сына, Маше, мечтающей получить грант на учебу в США... Дед всегда слыл чудаком, и к его дару никто не отнесся всерьез. Но Макс первый обратился к чаше с просьбой... и выиграл турнир. Неужели в безделушке и правда заключена мистическая сила?

© Литвиновы А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
1996 год	6
27 ноября, утро.	18
27–28 ноября.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна и Сергей Литвиновы

Наш маленький Грааль

Пролог

Детей у меня не будет. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

И ни одно, даже самое звездное, медицинское светило ничего не может с этим поделать. Максимум, на что эти чертовы профессора способны: сочувственно кивать головой. И мягко укорять:

– Вот если бы вы спохватились хотя бы на пяток лет пораньше... Забили тревогу при первых симптомах... А сейчас – слишком поздно.

И еще много всякой чуши про необратимые изменения и, увы, уже не юный организм.

Я не могу сказать, что мне так уж плохо без этих писклявых, капризных, хлюпающих носом созданий. Родительское счастье – это, конечно, класс, но дети – они ведь сковывают тебя по рукам и ногам. Сто раз подумаешь, прежде чем сорваться в срочную командировку или в приятный романтический отпуск. А так – у меня развязаны руки, в моем доме всегда чистота и вместо визга тихий Моцарт.

Еще, говорят, очень приятно, когда маленькое существо вдруг с абсолютной точностью повторяет твою гримасу или словечко. И сердце, рассказывают, тает, если малышня по вечерам, когда приходишь после работы, бросается в твои объятия...

Не знаю. Собственного опыта у меня не было, а гипотетически я представить не могу.

И, бывая на дорогах курортах, искренне сочувствую родителям, которые, вместо того чтобы спокойно кататься на лыжах или расслабляться на пляже, только и делают, что вытирают носы своим отпрыскам.

Нет. Дети – это, наверное, не для меня.

И хорошо, что у меня их нет. Что в моем доме спокойно, чисто и еле слышно играет Моцарт.

Только иногда, под его беспечные мелодии, такая накатывает тоска...

1996 год

Бизнес в России – занятие для самоубийц. Покушения, подставы, наезды, обман, вымогательство... И противопоставить всему этому можно лишь собственную трезвую голову, шустрого главбуха и проверенный коллектив. Еще нужна личная служба охраны – чтоб ее шеф был предан тебе, как собака. Или – как сын. И конечно, ежемесячно откидывать десять процентов от прибыли в резерв – на случай, если придется откупаться.

Он всегда чувствовал: однажды это случится. И когда в головной офис и во все четыре филиала нагрянули «Маски-шоу», даже особо не испугался. Это можно было предвидеть. Сами виноваты: слишком в последнее время зарвались. Зря за прошлый квартал нулевой баланс сдали. И семьдесят «мертвых душ» – инвалидов – записали в штат тоже зря...

– Не волнуйтесь, – успел шепнуть ему главный бухгалтер. – Не докопаются. В офисе один чистяк, а «черные» балансы – в надежном месте.

Да он и сам понимал: прорвемся. Если что и смогут им приписать – так только неуплату налогов. А налоги в России одни дураки платят. И нарушителям максимум, что грозит, – официальный штраф да пара взяток.

...Даже странно, что по окончании обыска менты посмели потребовать: проедемте, мол, с нами.

– На каком основании? – нахмурился он.

– Скоро узнаете, – последовал загадочный ответ.

Он только пожал плечами. Примитивный приемчик. Пугалка для подростков.

Пока его везли, он решил, что на допросе в меру покается, в меру поплачется. И намекает, чтоб не тянули кота за яйца, а сразу бы сказали, кому давать и сколько.

Но следователь – молодой, прыщавый, красноглазый – про налоги даже не пикнул. И прямо с порога заговорил о другом. О действительно серьезных делах, что в последнее время провернула корпорация. О партии «Лансеров», которые удалось толкнуть практически без растаможки. О «Самсунгах», что уже пару месяцев успешно ввозились в Россию под видом «копилок керамических, артикул такой-то». И о последнем приобретении его корпорации – заводике в Нижневартовске, бывшая госсобственность, директор которого совсем недавно исчез в неизвестном направлении.

Это уже было куда тревожнее. Тем более что директор того заводика покоился где-то в сибирских лесах – иных подробностей начальник охраны не рассказал.

Линия защиты элементарная: отрицать. Все отрицать.

– ...А ведь вы зря отпираетесь, – ласково обратился к нему юный следователь. – У нас и все документки на руках, и свидетели имеются...

Понты. Кривые понты.

И он продолжал в ответ на бесконечные вопросы лишь пожимать плечами, а потом следователь милостиво позволил ему покурить и сказал, что пепельница на подоконнике, и он подошел к окну и вдруг увидел, что внизу, в пыльном казенном дворе, стоит и тоже курит человек, который ему прекрасно знаком. И на лице его играет мстительная, но неуверенная улыбка.

А следователь – хоть и молод, но уже режиссер – с напускным сочувствием произнес:

– Да, мил-человек, работка с кадрами-то в вашей корпорации не поставлена...

– В смысле? – дернул плечом он.

– Что уж вокруг да около ходить! – хмыкнул следок. – Все равно узнаете... *Сдали вас.*

Со всеми потрохами.

– Кто?

– Да начальник вашей охраны и сдал. Тот, что во дворике курит.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Ваши коллеги утверждают, вы ему, как собственному сыну, доверяли. Было такое?

– А вам что до того?

– Ему за убийство директора того заводика пятнадцать на строгом грозило. А согласился сотрудничать – пятериком отделается. Может, и условно. Так что советую и вам оказывать активную помощь следствию.

– Не надо меня на пушку брать.

– Не имею такой привычки, – парировал следак. И задумчиво протянул: – Странный вы. Седой, а до сих пор не усвоили, что в бизнесе никому доверять нельзя...

Он снова взглянул в окно.

Его начальник охраны по-прежнему стоял во дворе следственного отдела. И закуривал уже вторую сигарету.

А следователь проследил за направлением его взгляда и с напускным участием сказал:

– Понимаю его. Сдал шефа, а теперь, бедняга, нервничает: вдруг мы свое слово не сдержим? Вас под подписку выпустим?

...И в голове вдруг промелькнула недавняя картинка. Как праздновали на работе его юбилей и как начальник охраны, слегка смущаясь, провозгласил тост за шефа. Который лично ему – как отец.

Что ж.

Семьи в бизнесе и правда не бывает.

Наши дни. Семья Шадуриных. Максим

Мой папа любит пошутить: «В семье не без урода».

Урод получаюсь я. Потому что одна сестра у меня – литературовед и кандидат наук, вторая – училка и молодая мама... ну, а я – профессиональный теннисист. К тому же неудачник. Я дико завидую Роджеру Федереру.

Он, кто не в курсе, – один из самых крутых на планете теннисистов. Уже много лет в пятерке лучших, а в последние годы вообще первый в рейтинге эй-ти-пи, да еще и с офигенным преимуществом. Натуральная элита.

Роджер богач, но его крутизна не в этом. Подумаешь: по особняку в каждой цивилизованной стране, с десяток гоночных тачек и полный лопатник золотых кредитных карточек. Не в деньгах, говорят неудачники, счастье, да и я, с нашей многодетной семьей, уже привык без большого бабла обходиться.

Федерер – везунчик, потому что все время выигрывает. Всегда. «*Кому же из теннисистов удастся остановить Роджера? Кто сможет прервать победную серию из ста матчей?*» – восклицают спортивные комментаторы. Но только волнуются и предрекают они тщетно. Никому, как ни старается народ, обломать швейцарца не удастся, он всех громит и громит... Максимум – первый сет сольет, зато потом в такую ярость приходит, что самые дерзкие ему под ноль продувают. А выиграть сто матчей подряд, без единого поражения – вы хоть представляете, что это такое? Ведь слово «турнир» – это только звучит мощно, будто надо играть и играть, а на деле – лишь несколько удачных партий, и вот она, корона! Чтобы взять Большой шлем, нужно всего-то победить в восьми матчах.

Но сколько народу, сотни, тысячи, десятки тысяч честолюбцев напрасно об этом мечтают?! Вон англичане целый фильм сняли под названием «Уимблдон» – как житель Соединенного Королевства побеждает на пресловутом турнире. Надеялись, наверно, что своих спортсменов к свершениям подхлестнут – из современных-то англичан Уимблдон еще ни одному не покорился! Но только зря старались – их звезда, Тим Хенман, дальше полуфинала ни разу не прошел. И все другие англичане тоже на почетный титул лишь зубами клацают. А у Федерера

этих Больших шлемов – уже целая комната, минимум пять сервантов. Стоят себе, пылятся, подставляют бока под тряпки лощеных горничных. И наверно, его даже не радуют. Чему, действительно, радоваться, когда кубки можно уже на вес продавать? Мил ему из них, наверно, только первый...

А мне – хотя бы один такой! Или даже половинку, четвертушку, хотя бы одну восьмую!..

Для начала я согласен, конечно, на приз куда попроще. С турнира любой серии, любой категории и минимального призового фонда. Лишь бы выиграть, лишь бы стать первым! Эти кубки, чтоб их, мне уже снятся, преследуют, мерещатся...

Но только что говорить!

Я – теннисный неудачник. Я до сих пор не выиграл ни одного турнира, школьное первенство, турнир в доме отдыха и соревнования на теплоходе, конечно, не в счет. А ведь большой теннис для меня любимее всего на свете. Милее вкуснящей маминой жареной картошки и даже Милки Безуховой из десятого «Б».

Семья у нас хотя формально и многодетная, но маленькая. Две сестры, я, папа, мама, бабушка – она живет в Подмосковье и наезжает редко. Еще на юге, в Краснодарском крае, живет ее бывший муж, папин отец, известный приколист. А больше и нет никого. Ни дядюшек, ни тетюшек. Один дядя Митя, папин брат, был – и тот давно умер. Так что нашим воспитанием занимаются исключительно родители. И в спорт в раннем детстве предки меня отдали не для рекордов, а чисто для того, чтоб я гармонично развивался. Я мелким-то чахлый был и носом вечно хлюпал – как, впрочем, все московские дети. Вот в пять лет меня уже и сбагрили – на плавание, в лягушатник при детской поликлинике. Я там быстро освоился, без труда научился держаться на воде и полюбил подныривать под девчонок, соратниц по тренировкам, и хватать их за ноги. Те противными голосками визжали, жаловались родителям, и меня, нарушителя спокойствия, из лягушатника живо поперли. И тогда предки отправили меня в обычный, уже взрослый бассейн. От соплей к тому времени я излечился, занятий не пропускал, резиновую шапочку дома не забывал, но только с тренершей, как сейчас помню злобную очкастую тетеньку, у нас все равно любви не сложилось. Никаких сил не было исполнять ее тяготные указания: в бассейн – только по свистку, в воде – не шевельнись. И плавай не по дорожкам, а как последний придурок, по мелководу – малым детям иного не положено.

Меня этот террор просто бесил, с очковой тренершей мы состояли в постоянных контрактах, и каждый раз, когда после вечерних тренировок меня забирал папа, она начинала катить баллоны: что я из всей группы самый бесперспективный, бестолковый, неспособный, несносный и не годный к спортивной борьбе... И все отцовские речи, что в бассейн меня отдали вовсе не для спортивной борьбы, а для гармоничного развития, разбивались об ее гнусную ухмылку.

Так что с плаванием вышла нескладуха, и из секции меня тоже очень быстро поперли. Уж сейчас-то, надеялся я, родаки от меня точно отстанут. Начнут без ограничений выпускать во двор, и я буду спокойно лазить со всеми нормальными пацанами по подвалам и гонять мяч внутри заброшенной хоккейной коробки. Но упорные предки – далось им мое гармоничное развитие! – не сдавались. И в этот раз засунули меня еще хуже – на фигурное катание.

Это была полная катастрофа. Я хотя и совсем мелкий был, к тому времени только пошел в школу, в подготовительный класс – но ведь не без глаз. Видел по телику это фигурное катание неоднократно. Когда мужики сами по себе катаются – еще туда-сюда, хотя все эти костюмы с блестками, как у «снежинок» в детском садике, – сущий кошмар. Но когда парни пляшут в парах... И приходится волочить на себе противных девиц, подбрасывать их, ловить, тащить за собой по льду... А при этом еще самому прыгать и вертеться волчком! В общем, занятие для полного дебила.

И к тому же непонятно, победил ты или продул. Решают не голы, не скорость, не время, но противные, с сердитыми лицами, судьи. Разве это соревнование – так, балет какой-то.

– Хочу в хоккей! – умолял я родителей.

Но был готов согласиться и на конькобежный спорт, и на легкую атлетику, и даже на керлинг.

Только легкой атлетики в нашей округе не было, как, впрочем, и конькобежного спорта, на керлинг брали с восьми лет, а хоккейная секция оказалась платной, причем просили за нее, как я понял по расстроенному папиному лицу, очень изрядных денег. А у нас в семье, я уже говорил, с этим делом всегда было неважно. Что вы хотите: кроме меня, еще две сестры, и мама – учительница в обычной школе, а у папы – одно имя чего стоит: Климент. В честь красного маршала Ворошилова. Да и по профессии он – последний романтик, геолог...

И хотя отец мне наболтал, что в хоккейной секции нету мест, я прекрасно понял: он просто не может за нее заплатить. И я пусть и мелкий, а врубился: *нормальный спорт – в хоккее играют настоящие мужчины* – он и стоит нормальных бабок. А кто победнее – иди на дурацкую *фигурку*.

– Разговор на эту тему закрыт, – строго сказал папа. – Будешь ходить на фигурное катание. Все.

– Поближе к дому и ценою подешевле... – прокомментировала отцовское решение сеструха Машка.

Наверняка это не ее слова, а из какой-то книжки, она у нас любит шибко умной прикинуться и вечно, когда ни глянь, над своими фолиантами горбатится. И ее, прошу заметить, ни на какое фигурное катание не волокут.

А другая сеструха, Аська, сказала так:

– Да не горюй ты, Макс. Подумаешь, фигурное катание! Скажи спасибо, что в музыкальную школу не отдали.

И Аська, конечно, железобетонно права. Потому что куда лучше чертить коньками всякие развороты-елочки, чем пиликать на скрипке бесконечные гаммы.

Но, на удивление, с фигуркой у меня дело пошло. Тренер оказался мировецкий – особо не давил и даже орал только в исключительных случаях (когда, например, я на спор взялся костер прямо на льду разжечь). Никаких костюмов с блестками, к счастью, шить не пришлось. И таскать на себе девчонок – тоже. Много занимались в зале нормальными мужскими делами: турник, шведская стенка, брусья, конь. Бегали. Прыгали. Иногда за всю тренировку на каток вообще не выходили. «Зачем форсировать? – не совсем понятно говорил тренер. – Лед – он как женщина, которую раскрыть надо...»

Про соревнования да про спортивные перспективы тренер тоже не упоминал. Не разделял нас, как злосчастная тренерша по плаванию, на перспективных и никчемных. Хвалил даже толстого Ваську, который за целый год так и не научился приседать в пистолетике. А мое почти идеальное вращение и, как говорили девчонки, самый красивый перекидной прыжок во всей группе, наоборот, не выделял. Сдержанно говорил: «Приемлемо...»

И потому я очень удивился, когда однажды после занятий меня вдруг подозвала к себе важная тетенька. Она представилась заслуженным тренером, рассказала, что наблюдает за мной несколько тренировок подряд, и завела уже подзабытую с плавания песню про перспективы.

Я слушал настороженно, потому что большой спорт – это, во-первых, как говорит папа, для тупых. А во-вторых, очкастая тренерша из бассейна намертво вколотила мне, что я – бесперспективный и вообще полное дерево. И в-третьих, если всерьез заниматься фигуркой, на соревнования ездить – это ведь придется костюмы с блестками шить?!

Я честно изложил свои сомнения важной тренерше. Она в ответ басисто, по-мужски, расхохоталась. А отсмеявшись, выложила: шить блестящие костюмы мне однозначно не придется. Потому что зовет она меня, оказывается, совсем не в фигурку. А в большой теннис.

– Он-то здесь каким боком? – обалдел я.

Ну, она и объяснила. Что, оказывается, какое-то исследование было с известными теннисистами в качестве подопытных кроликов. Выясняли, откуда чемпионы вырастают. И определили, что для стопроцентного чемпионства совсем не нужно ребенка прямым ходом в теннис вести. Сначала – на годик в бассейн, потом – на пару лет на фигурное катание. И только потом в теннис. Вроде бы с таким багажом сразу начинаются нечеловеческие успехи.

Я, врать не буду, загордился. Получается, предки со своим *гармоничным развитием* меня в потенциальные чемпионы готовили?!

И тут же дал тетеньке свое согласие: готов, мол, предать фигурные коньки в угоду корту, ракетке и мировой славе.

Только уже когда шел домой, подумал: а ведь я лоханулся. Кто в нашем классе теннисом занимается? Кирилл и Миха, а их обоих родки на иномарках к школе подвозят. Это считается спорт элитный, знай деньги выкладывай – одна ракетка, по слухам, кучу баксов стоит, не говоря уже о кортах и тренерах. А у нас семья честная и малообеспеченная. И что скажет папа, когда я сообщу ему, что вместо скромной и почти бесплатной фигурки самовольно перешел в крутейший большой теннис?! Он, конечно, купит мне и ракетку, и мячи, но ведь у сестры Машки, я сам видел, зимние сапоги развалились. А у Аськи с самого рождения сердце слабенькое, ей нужно на платные процедуры ходить и каждый год в санаторий ездить.

Но родки, против ожиданий, наезжать на меня не стали. Им, оказывается, уже позвонили – и не откуда-то, а из Академии высшего спортивного мастерства. И сообщили, что в теннисную секцию меня, во-первых, берут бесплатно, а во-вторых – никаких дополнительных расходов тоже не будет. У них якобы полно спонсоров, и они даже ракетки на халяву предоставляют. И струны к ним. И мячи. Такая вот поддержка для талантливых детей. А я, по наблюдениям басистой тренерши, таким и оказался.

– Но только с ребенка, готовьтесь сразу, три шкуры будем драть. Две тренировки в день, ездить далеко и один выходной – в воскресенье, – предупредили родителей.

– Максим не захочет. Он лентяй, – честно признались они.

Но я, упоенный блестящими перспективами, на все сложности согласился. Пообещал, что ни одной тренировки не пропущу. А неизменные папины подколы – про тупых, как пробка, спортсменов – пропустил мимо ушей. Мамино жалобное: «Максимушка!.. А ведь тебе тяжело будет!..» – тоже проигнорировал.

И о своем решении почти никогда не жалел.

Может, только пять лет назад, когда порвал связки на левой ноге и полсезона провалился по больницам. Или когда я уже играл на уровне мастера – никак не получилось стабильно подавать с первого мяча, и года на два ко мне прилепилось прозвище: «*Второподачник*»...

Но в целом большой теннис – это супер. Это даже не спорт, а настоящее искусство. Ничего общего, например, с тупым боксом. Или с глупой беготней по кругу. Или прыжками в длину или в высоту. В теннисе ведь, чтобы победить, надо быть не просто сильнее, или шустрее, или прыгучее. Марат Сафин, мой кумир, не зря говорит, что главное здесь – мозги. Все время приходится думать – похлеще, чем в шахматах. Постоянно решать задачки – и на ближайшую перспективу (как выиграть этот конкретный мяч), и стратегические (как измотать противника, чтобы он сам сдался). Здесь и психологом нужно быть, и артистом, и шпионом – в том смысле, чтобы держаться, как Штирлиц, чтоб ни один гад твоих истинных намерений не разгадал...

Хотя в чем-то и отец прав. Я не то что, конечно, туп, но всяких Овидиев и Иосифов Волоцких, в отличие от старшей сестрицы, цитировать не в состоянии. Зато стабильно подаю со скоростью двести километров в час и весьма силен в игре на задней линии. У сетки, правда, дело похуже, но в мужском теннисе это не главное, у нас сеточки наперечет, один Фабрис Санторо и известен.

По всем параметрам – молодость, рост, быстрота реакции – мне давно пора ездить по настоящим турнирам и побеждать. Пусть не в финалах, а хотя бы во втором-третьем круге.

Но я до сих пор не выиграл даже фьючерса или сателлита (это, если кто не знает, такие микротурнирчики для очень молодых, с минимальным призовым фондом).

И почему так происходит, почему мне хронически не везет – не может объяснить никто. Даже Михалыч – мой нынешний персональный тренер.

Пацаны, правда, говорят, что это из-за того, что я, типа, бедный. В смысле, у меня ракетки не специально заточенные под руку, а только те, что дает спонсор. И струны заурядные. И кроссовки обычные, безо всяких навороченных супинаторов. И специальных диет для меня никто не разрабатывал, и особых, безопасных, пищевых добавок мне не прописывал. И тренируюсь я меньше, чем богатеи. Только ранним утром и на тех кортах, что подешевле...

Кто спорит: когда в тебя большие бабки вкладывают, как в Машу Шарапову, успех и правда приходит быстрее. Но даже без диет и особых струн: неужели я не созрел до первого, пусть скромненького, кубка?! С самого заурядного, на городском стадионе какого-нибудь Череповца, турнирчика?!

Но нет.

Я легко побеждаю, когда играю с пацанами из моей спортшколы. Да что там: я даже у Михалыча, когда мы рубимся на счет, – и то часто выигрываю. Но только стоит приехать на самый заваливающий турнир – тут же меня ступор охватывает. И я немедленно «сливаю», если не в первом круге, так во втором... То ли сглазили, то ли я просто слабак.

Счастливый человек – Роджер Федерер. Не потому, что богатый, а потому, что знает вкус победы.

Маша, старшая сестра

Моя американская подруга Синди Хартворт – счастливый человек. Не потому, что богачка (хотя папа у нее директор банка, от чего я бы тоже не отказалась). А потому, что живет, как считает нужным, без оглядки на общественное мнение. И занимается любимым делом.

Мы с Синди познакомились в Интернете, на одном из болтливых сайтов. Сначала просто чатились, потом обменялись аськами, а теперь и вовсе – ведем ежедневную переписку по мылу, как заправские любовники.

Нас с ней и правда объединяет любовь. Мы обе – молодые, красивые, умные и постоянно говорим о своих чувствах. Но только чувства наши не совсем такие, как положено юным девушкам. Мы с Синди бесконечно обсуждаем в Интернете не мужчин, не новую серию помад от Диора и не очередной альбом «Пинк». Вы будете смеяться, но мы говорим о литературе!

Вот такие оригиналки. Или, говоря языком обывателей, – полные дурочки.

На книжки меня «подсадили» родители – очень рано, мне едва четыре года исполнилось. В это время как раз родилась сестрица, Аська. Малышка, как сейчас помню, у мамы с папой получилась забавная – голубоглазая и даже не очень крикливая. Одна беда: родилась она слабенькой, ее то и дело таскали по больницам, и тут уж, ясное дело, им было не до меня. А ведь Аську не только лечили, но и пеленки ей стирали, и готовили, и гладили, и убирали за ней, и укачивали, и купали, и выгуливали. И было ужасно обидно, что мне от родителей – никакого внимания. Вот мама, педагог, и решила добиться, чтобы я развлекала себя сама. И, левой рукой укачивая Аську, правой показывала мне карточки с буквами...

Наука оказалась нехитрой, и через месяц занятий я уже триумфально по складам читала «Тараканище» и «Репку». А еще через пару недель традиционные детские книжки меня утратить перестали, и мама, недолго думая, сунула мне «Тома Сойера»...

Врать не буду: поняла я тогда в нем немного. Но атмосферу, *ощущение, ухватила. Никакого сравнения с тем, когда киношку смотришь! В телевизоре и городок совсем не такой, и тетя Полли неживая, и Гек Финн – малость чокнутый...* А когда читаешь – все совсем по-

другому. Правильно. Настоящее американское захоlustье, и школьная скука, и страх, который охватывает на кладбище, – все по-настоящему...

С тех пор и пошло: я наотрез отказалась от «Спокойной ночи, малыши» и даже от мультиков. Традиционные детские книжки, все эти глупые сказочки и стишки, меня тоже интересовали мало. Как можно читать напечатанную крупными буквами ерунду, когда в большой комнате – полные шкафы настоящих, аппетитно пахнущих пылью и приключениями книг?!

Мама с папой сначала пытались меня *направлять*, только никак за мной не поспевали. Я читала настолько быстро, что всю «Библиотеку приключений» перелопатила еще до школы – и стала подбираться к Бальзаку и Драйзеру.

Родители сначала спорили, позволять ли ребенку, то есть мне, читать «взрослую» литературу, но очень быстро просто махнули на меня рукой – лишь попрытали разные фривольности типа «Манон Леско» или «Милого друга», да и то под такой ненадежный замок, что я легко отпирала его ключиком от чемодана.

Школьная программа по литературе у меня вызывала только смех. И некое изумление пополам с надменностью в адрес одноклассников. Как они могут читать «Лукоморье» аж в семь лет, да и то из-под палки? Или называть «Капитанскую дочку» последней лажей?! Совсем, что ли, без мозгов?! Я-то прочла Полное собрание сочинений Пушкина еще сто лет назад, только ранние стихи и письма не осилила.

– Ты у нас молодчина, – хвалили родители.

Плохо им, что ли: ни развлекать дочку не надо, ни над подарками задумываться – знают, что я за любую новую книжку краковяк станцую.

А еще мама с папой агитировали:

– Ты, Машенька, свои знания обязательно используй, чтобы в жизнигодились. Может, тебе писательницей стать? Пушкин вон тоже с раннего детства все подряд читал...

Я очень смущалась, когда меня ставили на одну доску с самим Пушкиным. Да и вообще – становиться писателем мне совсем не хотелось. Зачем, если столько всего уже написано? Каких только приключений писатели не изобрели, каких только чувств и страстей не описали... Куда уж еще я полезу со своими идеями!

Гораздо интереснее читать. Знать. Пересказывать друзьям. А еще – это я только к старшим классам поняла – уметь книги сравнивать и анализировать. Вот, например, любовь, вроде бы универсальное чувство. Но только какое оно разное, скажем, у Ремарка – и у Нодара Думбадзе. У Мураками – или у Норы Робертс. У Чехова – или у Чарской...

У меня в голове – тысячи фамилий. Я с легкостью перечислю библиографию любого мало-мальски значимого автора. И даже зачитаю мне отрывок, я, скорее всего, назову, кто его написал. Или *какому автору* создатель текста подражает.

В общем, не девушка, а ходячая груда знаний. Только в современной жизни мои таланты, увы, абсолютно неприменимы. Ну кому сейчас нужны люди, которые перечитали миллионы, не побоюсь этого слова, страниц?! Где таким, как я, добывать хлеб насущный?

Можно, конечно, пойти работать в читальню. Тут уж я, в отличие от школьной библиотекарши, которая не может в трех писателях Толстых разобраться, точно не опозорюсь. Только какой в этой службе интерес? Подавать книги, убирать книги – что-то вроде официантки...

Можно еще в училки податься, как мама. Бесконечно вбивать в лентяев и неучей про Грушницкого и Максим Максимыча – и страдать, что твоего любимого Лермонтова горе-ученички в лучшем случае прочитают в хрестоматийном изложении. К тому же в школе – шум, гам и очень маленькая зарплата.

Ну и третий вариант – самый лощеный, самый эстетичный и элегантный: стать литературоведом. Остались еще в стране институты, где на них учат.

В один из таких я и поступила.

Учиться оказалось легко и очень, просто дьявольски интересно. Красный диплом и приглашение в аспирантуру дались мне без труда. Оказалось, что я, даже в сравнении с продвинутыми однокурсниками, девица более чем толковая. Ну и что с того?

Теперь у меня есть профессия. Шикарная. Непыльная. Интеллигентная. И абсолютно бесполезная. Да, если у тебя папа, как у моей американской подружки, директор банка... Или, на крайний случай, если ты живешь в тех же Штатах... Там литературоведы, конечно, не шикуют, но и от слова «Крайслер» в обморок не падают. И купить в кредит загородный коттедж запросто могут. И путешествуют хоть только раз в году, но по всему миру.

А что у нас?

Зарплаты младшего научного сотрудника хватает ровно на сто хлебных буханок. Плюс бесплатные цветы от нерадивых студентов (думают, наивные, что я от трех розочек настолько раскисну, что зачет автоматом поставлю). Плюс репетиторство, но наш институт далеко не самый престижный, и потому за учеников на кафедре идет настоящая драка.

Перспективы тоже не самые радужные. Есть, конечно, шанс к сорока годам защитить докторскую и даже дорасти до профессора... только что с того? Ну, будет мне хватать не только на хлеб, но и на масло. А где взять отдельную квартиру – не вечно же ютиться с родителями? Как посмотреть мир? Да и метро своей монументальностью и толпами уже достало...

И потом: хоть я уже и взрослая дама, но в голове еще сохранились «детские тараканчики». И иногда вдруг такая тоска накатывает: что, право, за жизнь! Сплошь книжки, выдуманный мир, а на работе – непонятные, мелкие интриги, и дома – вечная картошка с дежурными сосисками и все те же лица по телевизору... А кто-то в это время, скажем, спасает людей. Совершает гениальные открытия. Рискует. Или хотя бы просто влюбляется. До дрожи в коленках, до полного затмения. А я так и живу один на один со своими книгами. Вот и накатывает: может, ошиблась я со своей «непыльной», «интеллигентной» профессией? Может, стоило куда-нибудь в МЧС пойти? Или в стрингеры?!

Тем более что профессия литературоведа в нашей стране нынче вызывает только насмешки. Мои одноклассники – сплошь бухгалтеры, экономисты, журналисты глянцевого журналов, личные водители и даже стриптизеры – над моим выбором откровенно посмеиваются. А Колька Рыжий – сколько я ему сочинений на общественных началах понаписала! – и вовсе меня третирует: «С твоими мозгами, Машка, нужно бизнес делать! А ты фигней занимаешься...»

Но беда в том, что мне совсем не хочется делать бизнес. Я не умею этого. И не хочу. А как свидетельствует весь мировой опыт, если берешься за какое-то дело через силу, то однозначно прогоришь.

Вот в Америке, рассказывает моя подруга Синди, литературовед – это вполне круто. Не хуже полицейского и почти так же престижно, как доктор. По крайней мере, когда на Крисмас¹ съезжается вся их большая семья, включая малознакомых двоюродных тетушек и дядюшек, на нее все смотрят с уважением. Малышня и вовсе заглядывает в рот и поголовно собирается поступать на тот же факультет, что и «тетя Синди».

Почему бы тебе, Masha, не перебраться в нашу страну? – пишет подруга. – Хотя бы на время? Ты уже кандидат наук, у тебя есть научный опыт, и с иностранным языком неплохо. А получить grant в области литературоведения не так и сложно, это ведь не программирование...

Синди – молодец. Хотя и литературовед, а американской практичности у нее не отнять.

И с недавних пор я начала серьезную охоту на западный грант. Веду переписку с американскими университетами, занимаюсь по учебнику TOEFL,² готовлюсь к тесту GRE.³ Но

¹ Рождество (англ.).

² Test of English as a Foreign Language – экзамен, успешная сдача которого дает право на учебу и работу в США.

только пока желающих пригласить меня – на все готовое! – в американский вуз не нашлось. В одном месте, правда, мне бесплатную учебу предложили, но только из каких, извините, шишей за общагу платить? И за учебники? И кушать на что, если работать иностранным студентам в первый год запрещено?!

– Но ты все равно дерзай, дочка, – говорит мама. – Упорство города берет.

А папа к моей «американской мечте», наоборот, относится скептически:

– И охота тебе, Машка, к этим буржуйам? Лучше бы тут, в России, себе мужа нашла.

Папа – он как все мужчины. Думает, что выйти замуж – это вечная мечта любой девушки. Только мне туда совсем не хочется. По крайней мере, пока. Или, если совсем честно, пошла бы, только не за кого.

Принцев на белом коне в поле моего зрения не встречается. Хлюпиков, коими полон наш институт, я сама отшиваю. А недавно у памятника Пушкину ко мне браток прицепился. Настоящий, будто из фильма про *бригаду*, – с бычьей шеей, перстнями и голдовой цепурой, как сказал бы мой брат. И туда же: кандидатов наук цеплять! Начал петь, что всю жизнь мечтал познакомиться с интеллигентной, такой, как я, девушкой. Ну прямо анекдот: «Златая цепь на дубе том...» – «Знаем, знаем, тоже Некрасова читали».

Я представила, что принимаю предложение братка. Переезжаю жить в его безвкусный, но богатый подмосковный особняк. И, босая и простоволосая, провожаю его на *стрелки*. А потом, всего в бланшах, встречаю с *разборок*. И он, когда мы бываем в ресторанах, заказывает для *любимой марухи* что-нибудь из Шуфутинского...

Ну и картинка! Меня сразу нервный смех обуял, я поспешила братка отбрить и ретироваться. И, как всегда, вернулась домой одна и без цветов...

Сестрица Аська – она-то уже давно замужем и даже ребенка растит – постоянно засыпает меня разного рода идеями, *где* найти достойного спутника жизни. То в дорогие спортклубы рекомендует ходить, то отираться, будто между делом, в крутых автосалонах.

Но дело в том, что я – вот дурацкая гордыня! – совсем не хочу ни за кем охотиться. Что за бред: качать штанги в тренажерном зале и косить глазом: с кольцом близлежащие джентльмены или без кольца! Или в автосалоне – не машины разглядывать, а мужиков. Не мое это. И потом: разве можно поймать в силки любовь? Ведь пишут в одной из моих любимейших книг: она должна найти тебя сама. И поразить внезапно. Как поражает молния, как поражает финский нож...

Возможно, Masha, тебе повезет в американском университете, – пишет моя подруга Синди. – Я, конечно, пока замуж не собираюсь, но у меня нет никаких проблем с общением. Интересных во всех отношениях молодых людей в моем ближайшем окружении полно, и я вполне готова ими с тобой поделиться.

Хорошо им там, в этой Америке! Эх, хоть бы побыстрее до нее добраться!

Ася, средняя сестра

В нашей семье я считаюсь ранней пташкой. Из-за того, что очень несовременно, всего-то в двадцать три года, вышла замуж. В двадцать четыре – родила ребенка. И теперь пребываю в роли сумасшедшей молодой мамыши.

Мой сын Никитка – счастливый человек. И несмотря на свой несолидный возраст – всего семь месяцев, – хитрющий, как сто китайцев. Уже прекрасно знает, что, если завопить, его

³ Graduate Record Examination – экзамен, состоящий из задач по математике, логике, а также из сложных текстов по английскому языку. Его сдача необходима для поступления в американскую аспирантуру и для работы преподавателем в высших учебных заведениях.

обязательно возьмут на руки. А если методично выплевывать кашу, то мама его пожалеет и угостит куда более вкусным пюре из черники.

Этот малыш очаровал всех. Бабушка в свои законные выходные вяжет ему носочки, тетя (моя сестра) Маша, поборов свое презрение к глупым детским книжкам, с упоением читает вслух «Тараканище». И даже брат Макс, крайне далекий от воспитательных процессов, и тот уже купил племяншу дорожные кроссовки («Рибок» длиной одиннадцать сантиметров, просто со смеху умереть) и обожает катать вместе с дитем теннисные мячики...

А Никитка всеобщее поклонение охотно принимает. Заразительно смеется, когда его папа, даже не сняв офисной рубашки, подкидывает его к потолку. И плевать ему, что рукава пижонской «Массимо Дутти» теперь в разводах слюней. Подумаешь, большая беда! Мама, то есть я, отстирает.

На Никитку я стараюсь не злиться, даже когда он в сотый раз подряд вышвыривает из кровати пластмассовый вертолет. (Кто не знает: когда плексиглас ударяется о паркет, звук издается ну очень отвратительный.)

Но я терплю и поднимаю. Что поделаешь, детишкам *полагается* расшвыривать игрушки, они таким образом развиваются. И потом, лучше в очередной, бесконечный раз наклониться за злосчастным вертолетом, чем ходить на нелюбимую работу.

Ведь если бы не малыш, я бы уже год как горбатилась училкой в начальных классах. Получилось, что Никитка меня выручил. Зачался очень грамотно – именно в тот момент, когда я находилась, говоря красиво, *на распутье*.

В педагогический институт я поступила по глупости. Из-за того, что мякина в голове. Будто не видела собственную маму, училку, какой она с работы приходит. И ни разу не слышала, как она на зарплату жалуется...

Меня же в *педик* затянула одна сплошная романтика. Все представляла, как первого сентября детишки соревнуются, кто подарит любимой учительнице самый красивый букет. Как упоенно, на едином дыхании, слушают мои объяснения у доски. Искренне радуются пятеркам. Поверяют свои секреты...

Ну и главное: я просто не знала, куда мне поступать. Хорошо сестре Машке – она свои книги обожает. А брат Макс сходит с ума по теннису. А как быть мне, если никаких особых интересов и предпочтений к семнадцати годам у меня не сформировалось?..

– В педагогический хотя бы попасть несложно, – резонно сказала мама. – Даже можно репетиторов не нанимать.

Это, конечно, немаловажно – лишних денег у нас в семье нет.

А папа – в своем репертуаре! – добавил:

– И жены из учительниц выходят хорошие. Умные мужчины специально в пединститут приезжают, чтобы пару себе найти.

Я тогда над папиным заявлением посмеялась, но оказалось, что он как в воду глядел. Мишка, мой муж, и правда пришел на нашу институтскую дискотеку, чтобы найти себе жену.

Мы встретились взглядами, он пригласил меня танцевать, потом поехал провожать до дому... В общем, начался роман. Я тогда думала – один из многих моих романов, потому что ни за какой замуж в столь раннем возрасте я, конечно, не собиралась.

Но Мишка взял меня измором. У какой девчонки силы воли хватит, если ей ежедневно дарят букеты? И стихи посвящают, и ждут после лекций, и упоенно фотографируют, а потом дарят оправленные в красивые рамочки портреты?!

Я-то, дурочка, думала, что он от любви ошалел: мы, будущие училки, – девушки крайне романтические. Но все оказалось несколько прозаичнее.

Мишка – он из Нижнего Новгорода. Когда мы познакомились, был уже на пятом курсе своей Финансовой академии. И прекрасно понимал: если не женится в самое ближайшее время на москвичке, придется ему возвращаться на историческую родину. А москвичку-то, да с квар-

тирой, чтобы было где прописаться, охмутать непросто. Подкатись к какой-нибудь пижонской студенточке из МГИМО или МГУ – мигом пошлет. Вот он, чтобы не рисковать, и отправился искать жену где попроще, из будущих училок. Мы, как гласит народная молва, нетребовательные...

Я, правда, обо всем этом узнала уже сильно после свадьбы. Когда Мишка изрядно, после каких-то неприятностей на работе, подвыпил и взялся со мной откровенничать. Помнится, я очень оскорбилась: думала, наивная, что лишь своей неземной красотой да веселым характером мужа приворожила... А оказывается – московской пропиской.

Но потом утешилась. Что сделано – то сделано. А муж из Мишки получился совсем неплохой. Хоть и без собственной жилплощади, зато не пьет, не курит, не гуляет, зарплату в дом несет. Плюс симпатичный и не дурак. Всякая ли может таким супругом похвастаться?

Плюс Никитку мне *сделал*. Именно тогда, когда нужно. В тот момент, когда я закончила институт, вышла на работу и поняла: быть учительницей – совсем не для меня. Шум, крик, другие училки смотрят волком, постоянно на нервах и никакой романтики...

Думала просто уволиться с позором – не выдержала, слабачка! – но, к счастью, оказалось, что нужно всего лишь дотерпеть до декрета. Дотерпела. Пообещала через три года вернуться... Но точно знаю: когда декретный отпуск закончится, в школу, сто процентов, не приду. Бедная мамочка, как она всю жизнь в этом дурдоме продержалась!..

Мне пока о работе – вообще о любой! – даже думать не хочется. Все силы на малыша уходят. Я так хочу, чтобы ему было хорошо! Хотя младенческие годы дети потом вспомнить не могут – все равно, пусть Никитка с первых дней растет в любви и комфорте, это сторицей окупится.

И не зря же я немного педагог! Со школой не сложилось, зато на раннем развитии собственного сына отыгрываюсь.

Я Никитку с младых ногтей воспитываю. Стремлюсь, чтобы он почаще смотрел на красивое. Ношу его в сумке-кенгуру в парк и на берег нашей районной речки-вонючки. Включаю ему хорошую музыку – и детские песенки, и Моцарта. Читаю, причем не обязательно примитивные потешки, он у меня уже и Пушкина слушает, и про старика Хоттабыча Лазаря Лагина. Мы с Никиткой даже рисуем – специальными детскими красками, он в них ладошку макает и потом елозит ею по листу ватмана. Еще я стараюсь, чтобы он пореже ходил в подгузниках (в них детская кожа прееет). И пюре даю не из баночек, а готовлю сама, чтоб наверняка знать, что в нем нет вредных добавок.

В общем, никаких уже сил не осталось...

Помочь мне особо некому. Мишка сутками на работе. Мама с папой тоже. Свекровь со свекром в Нижнем Новгороде. Сестра Маша с братом Максом при своих делах. А няню мне, безработной, как возьмешь? Муж против: не хочу, говорит, чтобы сын с чужими людьми рос, да и денег лишних нет.

Вот и кручусь сутками одна.

Беда в том, что у нашего малыша бессонница. Самая настоящая, хуже, чем у иных взрослых. И как я ни бьюсь, он спит только по полчаса. И днем, и ночью. А ровно через тридцать минут просыпается. И плачет. Горько, безутешно и громко. И вместе с ним – особенно часам к пяти утра, когда *дика* хочется спать, – плачу и я. Потому что бабушка с дедом живут отдельно и ночами, хоть на часок, меня выручить никак не могут. А мужу, Мишке, в семь утра вставать на работу. И если ночи он будет проводить в компании орущего младенца, то обязательно надевает днем в своих важных документах кучу ошибок...

Сначала мы думали, что Никитку мучают колики. Потом, что его сглазили. Потом, что у него режутся зубки... Еще я где-то вычитала, что у маленьких детей нервная система несовершенна, процессы возбуждения уже развиты, а торможения нет.

Мы ждали, пока ему исполнится два месяца. Три. Четыре. Пять... Надеялись, что чудо вот оно, рядом, что малыш подрастет и перестанет плакать. Но не дождалась.

Я постоянно жалуясь на сыночка педиатру и невропатологу. Честно кормлю его прописанными таблетками. Но малыш ночами все ревет и ревет, а днями я уже шатаюсь от усталости и все с большим трудом нацепляю на лицо дежурную улыбку и выдерживаю с ним ласковый тон.

Меня даже иррациональные мысли посещают. Например, я тому же Никитке завидую. Тому, что он закричит в любое время суток, и к нему я тут же кинусь. Приласкаю, утешу, покачаю на ручках... А меня приласкать и утешить некому. Не Мишку же просить – он сам вечно такой усталый...

Иногда даже думаешь: как я умудрилась к двадцати четырем годам налепить столько ошибок?! И профессию выбрала неправильную, и мужа, который мне ни капельки не помогает, и ребенка родила капризного – может, он таким получился потому, что я всю беременность на своей школьной работе нервничала?!

Поневоле позавидуешь беспечным, не обремененным потомством ровесницам. Или даже обремененным, но чьи дети спокойно сидят в колясочках и наблюдают за птицами, котами и прочей живой природой. А мой Никитка все время или ревет, или шкодит.

И я, когда читаю ему бесконечные сказки (пусть он их пока не понимает, но я уже говорила: для гармоничного развития ребенку положено читать с самых первых месяцев), думаю: «А вот бы мне самой попасть в сказку! И получить в свои руки волшебную палочку!! Тогда бы вся моя жизнь пошла совсем по-другому...»

27 ноября, утро.

Макс

Телефон зазвонил в шесть утра – по понятиям глухой осени это поздняя ночь. За окном беспросветная темень, и все наши – я имею в виду маму и Машку, потому что папенька отвалил в очередную экспедицию, а Аська с мужем и дитем живут на съемной квартире, – крепко почивали. Только я, как последний лох, уже глотал горячий чай. Настраивался на утреннюю пробежку. И, чтобы выгнать себя на улицу, смаковал запрещенный «Сникерс». Увидь меня сейчас тренер Михалыч, точно бы начал гундеть о плохом холестерине и вредных углеводах, но мне надо было чем-то взбодриться. Потому как, чтобы обуть в такую-то рань кроссовки и выбраться в стылую темноту, на блестящую от холодного дождя улицу, необходимо изрядное мужество.

И вот я уже почти добился нужного боевого настроения, а тут телефон с мысли сбивает. Кому, интересно, неймется? Может, Михалыч хочет порадовать, что мне на Кубок Кремля *wild card* дали? Впрочем, о чем это я – не только Кубок Кремля, но и итоговые турниры лучших восьми уже прошли, теннисный сезон на этот год закрыт.

Никакого страха, как у мамани, – она от ночных звонков всегда вздрагивает – у меня не было. Мало ли кому приспичило позвонить в неурочное время? Может, Машка в кои-то веки поклонника завела. Или папаня в своей экспедиции на какой-нибудь высокий холм забрел, где вдруг сотовые телефоны стали ловить. Вот он и решил нас осчастливить очередным восторженным рассказом об очередном ископаемом.

Я одним махом допил чай и бодрым шагом почесал в коридор, к аппарату. Снял трубку и пробасил максимально бодро:

– Слушаю!

Особой бодрости, правда, добиться не удалось – голос дал предательского петуха. Вот что значит в такую рань вставать – даже горячий чай не помогает.

– Ты, Максим? – строго проскрипела трубка.

Я тут же узнал говорящего: это дед. Папин отец. Известный приколист. В нашей семье его осторожно именуют «пожилым чудачком». И уж от *его* звонка в шесть часов утра точно ничего хорошего ждать не приходится.

– Он самый, дедуля. Привет.

Я прокашлялся, тщетно пытаясь избавиться от утренней хрипотцы. И тут же нарвался на недоуменный вопрос:

– Вы еще спите, что ли?

– Так ночь на дворе! – хохотнул я.

– Какая ночь? – возмутился дед. – Я уже два часа на ногах... А Маша дома?

– Где ж ей быть! Храпит. А я на пробежку собираюсь.

– Не теряешь надежды Уимблдон покорить? – тут же наступил на большую мозоль дед.

– Не теряю, – бодро ответил я. (Надо признаться, что с каждым годом эта напускная бодрость дается мне все труднее.)

– Ну-ну, – хмыкнул дед. – Дерзай. Не забудь меня пригласить, когда в финале играть будешь.

– Приглашу, – пообещал я. – И клубнику со сливками проспонсирую.

– Ловлю на слове, – опять усмехнулся дед и спросил: – Но в этом-то году турниров уже не будет? Сезон закрыт?

Надо сказать, что для своих семидесяти пяти или сколько ему там старичок демонстрировал удивительную осведомленность.

– Закрыт, – подтвердил я. И осторожно поинтересовался: – А ты почему спрашиваешь? Неужели собирается в Москву приехать?

Надо сказать, что наш дед – большой оригинал. Когда-то, в бурной молодости, он исколесил всю страну, а сейчас живет на юге, в Краснодарском крае. И как многие жители Кубани, ненавидит столицу лютой ненавистью. Потому что мы, москвичи, якобы сосем из жителей солнечного края бешеные налоги. И строим на них никому не нужные массивные памятники, а также освещаем свой город чрезмерной иллюминацией. И дед туда же. Он всегда говорил: «Я в ваш бандитский город только в самом крайнем случае сунусь».

И раз он в такую рань звонит, наверно, этот крайний случай и наступил. Явно надумал заявиться и у столичных светил какую-нибудь старческую болячку лечить. Что ж, пускай тогда Машка отдувается, у нее времени больше. Да и вообще: ублажать пенсионеров – не мужское дело.

И мои худшие опасения, похоже, оправдывались.

– Мне нужно срочно тебя увидеть, – заявил дед.

Его голос звучал взволнованно.

– А что случилось? – без особого интереса спросил я.

Небось начнет сейчас скулить про очередную болезнь.

Но скулить дед, против ожиданий, не стал. Повторил:

– Важное дело. Касается вас всех. Тебя. Марии. И Аси.

– А какие у нас с тобой могут быть дела? – бестактно поинтересовался я.

И только потом подумал: а вдруг дед свою скорую смерть чует? И хочет нас, внучат, напоследок облобызать?

Но нет. Никакого трагизма в его тоне я не услышал.

– Максим, мне уже семьдесят семь лет. Жить осталось всего ничего, – очень спокойно, даже буднично произнес дед. И тут же его тон вознесся до более официального: – По-моему, самое время обсудить с вами вопросы наследства.

«Какое там у тебя наследство!» – едва не брякнул я. Но от новой бестактности удержался и заблеял:

– Да ладно, дед, о чем ты говоришь! Ты еще до ста лет доживешь!.. Да и не нужно нам ничего...

– Я лучше знаю, что вам нужно, – строго произнес он. И резюмировал: – Вы должны приехать ко мне. Все трое.

Час от часу не легче.

Промозглым ноябрем переться на российский так называемый юг, когда я вчера по телику слышал, что в Краснодаре плюс семь с проливными дождями!

Но, скажем мягко, от южного, как мы его называем, дедули всегда можно было ждать чего угодно. Он, в отличие от своего сына (моего папы), – человек абсолютно непредсказуемый.

Например, мои родители долго надеялись, что дед завещает им свою расположенную в приморском поселке Абрикосовка квартиру. Квартирка, между нами, дрянь, двухкомнатная, в двухэтажном доме без горячей воды, да и с холодной – только по расписанию, до моря четыре километра по пыльным улочкам. Но на халяву, ясное дело, сошла бы.

Однако ничего подобного родаки не дождалась. Три года назад дедуля огорошил их известием, что квартиру он продал. И на вырученные деньги собирается возводить себе дом, но не в самом поселке, а в прилегающем к нему лесу.

– Но зачем в лесу? – схватились за голову предки.

И получили неподражаемый ответ:

– Очень люблю природу.

Будто в самом поселке ему природы мало – там асфальт только на главной улице, и то весь покоцанный, а между домами коровы и курицы рыщут.

Но если дед что решил – его не собьешь.

Год с лишним он бодро ютился в продуваемой ветрами времянке без всяких удобств. Предпринимал героические усилия, чтоб расчистить участок, протянуть в свой лесной уголок свет, завезти по ужасным дорогам стройматериалы... Помогать деду было некому, да он о помощи и не просил.

Папа мрачно предрекал, что старика хватит инфаркт еще на стадии закладки фундамента, однако наш дуб оказался покрепче многих. Не только свой уродливый с виду, но вполне пригодный для жилья дом возвел, еще и сад на прилегающей территории посадил. И даже построил нечто вроде голубятни, непонятное сооружение на пятиметровых сваях. Лезть туда надо по хлипкой лестнице (Машка с Аськой всегда визжат), зато из грубо прорубленного окна и виден кусочек моря. Дед называет это помещение рубкой и каждый день навевывается туда, вооружившись подозрительной трубой. Это называется у него «сторожить горизонт».

По поводу лесного дедова жилища – старик продемонстрировал его нам позапрошлым летом – в нашей семье мнения разошлись. Родители и Аська называли лесное поместье «кошмарным», а нам с Машкой, наоборот, оно понравилось. Ну и пусть только на «уазике» да с дикой тряской и доедешь. Ну и пусть никаких удобств. Зато по ночам очень романтично воют шакалы. И птички там наглые, дед их разбаловал – прямо с рук едят. Летом, если выдастся окошко между турнирами, я в дедову глушь обязательно навещаюсь.

– ...Я чувствую: дни мои сочтены, – продолжал между тем напирать дед. – И хочу перед смертью раздать все долги. В том числе и вам, моим любимым внукам.

Его голос звучал пафосно – сто пудов, цитата, Машка бы наверняка сказала, откуда.

– ...Но завещать я вам хочу не дом, не землю – что им цена, копейки...

«Тысяч десять долларов, не больше», – прикинул я.

– ...Но одну вещь, которую обязательно нужно передать из рук в руки.

– Ой, дед. – Меня наш разговор начал раздражать. – Чё ты гонишь? Что еще за вещь? Какие-нибудь часы каслинского литья? С понтон, золотые? Пилите, Шура, пилите?! Или ты яичком Фаберже разжился?

– Может, и разжился, – загадочно ответил старик.

– Ну так и расскажи!

– По телефону – не буду, – отрубил он.

– Ну, тогда подожди. Вот приеду я к тебе летом, как собирался, и отдашь свою вещь.

– Нет, – повторил он. – Во-первых, вы нужны мне все трое. Ты. Мария. Ася. А во-вторых, это очень срочно. Вылетайте прямо сегодня. Или, в крайнем случае, завтра.

– Да ну, дедуля, ты скажешь! – усмехнулся я. – Как мы к тебе прилетим?!

– На самолете. Рейсов до Краснодара полно.

Нет уж. Визиты к деду в мою программу никак не входят. Но не посылать же старичка!.. И я поспешил перевести стрелки на сестричек:

– Допустим, я еще могу вырваться, у меня соревнований нет, а школа – фиг с ней... Но у Машки-то в этом году две группы, шесть семинаров в неделю! И лекции она по пятницам читает. А у Аськи ребенок маленький... Подожди. Мы обязательно прилетим, но позже. Ты ж не прямо сейчас умираешь.

Настаивать дед не стал. Холодно произнес:

– Что ж, дело хозяйское. Только смотри: я ведь свое завещание могу и изменить.

– Да чем ты там разжился? В лотерею «Миллион», что ли, выиграл?

– Бери выше. Я могу изменить вашу жизнь. Всех троих. К лучшему, понимаешь?! А это стоит любых миллионов...

– Какую-то ты ерунду говоришь... – совсем уж растерялся я.

– Ладно, Макс, – отмахнулся дед. – Я все понял. Вы там, в своей Москве, шибко важные. Все на деньги меряете. Что ж, смотрите не пробросайтесь.

– Да чего ты злишься! – виновато забормотал я.

– Злюсь? С чего ты взял? Мне просто вас, недальновидных, жаль, – припечатал дед. – Сами не понимаете, что потерять можете... Но девочкам, Маше с Асей, ты все равно передай: я вас буду ждать. Всех троих. Завтра. До нуля часов. А не приедете – пеняйте на себя.

И в трубке запиликали короткие гудки. А я ее даже на рычаг не вернул. Так и стоял, растерянный, в коридоре. И весь боевой запал на утреннюю пробежку у меня окончательно исчез.

Тем же утром. Маша

Телефонный звонок в шесть утра меня не испугал. Я только порадовалась, что дверь в родительскую комнату плотно закрыта, а мама с вечера снотворного выпила, так что ранняя трель ее, скорее всего, не потревожит.

Наверняка Макс у звонят – кто-нибудь из приятелей-теннисистов, они там, спортсмены-горе-профессионалы, все безумные.

Я перевернулась на другой бок, водрузила на ухо подушку и попыталась уснуть по новой, но только Максина болтовня из коридора доносилась даже сквозь изрядный слой пуха. Я и отдельные слова выхватывала: «не злись...», «выгодное дело...» Что это за темные делишки у малолетнего братика? Может, несмотря на юные годы, он умудрился в казино проиграться? Это у них, теннисистов, говорят, в порядке вещей, вон его коллега по цеху Сафин немалые тысячи в игорных домах оставляет.

Максу, правда, проигрывать пока нечего, но все равно: нужно странный утренний разговор пресечь в корне. И допросить шалопутного братишку непосредственно на месте преступления. Тем более что и спать мне уже расхотелось, несмотря на депрессивную темень за окном.

И я, нацепив халат и пригладив волосы (Макс пусть и брат, а ходить перед ним кикиморой в ночной рубашке я себе не позволяю), выползла из своей комнаты.

Брательника застала в кухне. Он заваривал себе чай – причем, как я отметила острым глазом, уже вторую кружку. А он ведь на утреннюю пробежку собирается. Как, интересно, после такого количества жидкости бегать?

– О, Машка... – вяло пробормотал он. – Ты чего вскочила ни свет ни заря?

– Да потому что ты на всю квартиру орешь! – строго покачала я головой.

Немного, конечно, преувеличила – брат не орал, а бухтел. Но уже привычка у меня выработалась: запугивать студентов, народец чуть постарше Макса, всеми возможными способами.

– Что за манера – болтать по телефону в такое время?! Странно, как ты еще маму не разбудил! – продолжала напирать я. – Кто это звонил?

Оправдываться брат не стал. Ответил:

– Дед. Со своих югов.

– Да ладно! – не поверила я. – И чего он хотел?

– Завещание хочет огласить... – усмехнулся брат. – Но завещает не дом, а что-то другое.

– Что же? – корыстно поинтересовалась я.

– Не говорит, – вздохнул Макс. И буркнул: – Совсем у старика крыша поехала...

И изложил странный разговор с дедулей во всех подробностях.

Я, пока Макс разглагольствовал, заварила себе кофе. Торт из холодильника, чтоб не третировать измученного спортивными диетами Макса, доставать не стала. Ограничилась хлебами.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь?.. – уставился на меня брат.

– А ты? – задала я встречный вопрос.

Тоже институтская привычка: сначала выслушать оппонента и только после вербализировать собственное мнение.

– Я уже сказал: у старикана крышу сорвало! – покачал головой брат.

Вот он, юношеский максимализм. Если верить Макс, весь мир окрашен только в два цвета – черный и белый. Оттенков и полутонов не бывает.

Я поморщилась:

– Плоский ты, Макс. Примитивный. Неужели не понимаешь: с нашим дедом не все так просто?

На инвективы брат приучен не обижаться, потому просто переспросил:

– Ты думаешь, у него правда что-то выгодное?! – И тут же – ребенок еще! – взялся фантазировать: – Может, он в своем лесу клад нашел?..

– Клад не клад, а ты в курсе, что наш дед в советское время цеховиком был? Довольно мощным?.. Знаешь, какие деньги они зарабатывали?

– Да, папаня что-то рассказывал... но ведь советские деньги в какой-то реформе сгорели? В гайдаровской, что ли?

– Думаешь, в те времена долларов не было? – пожала плечами я. – И курс не в пример нынешнему, всего-то по пять рублей за зеленый бакс.

Ага. Загорелись глазки у братца. На халяву-то куда интереснее разбогатеть, чем на бесконечных турнирах ракеткой размахивать.

Только все равно пока возражает:

– А почему тогда квартирка у деда была такая поганая? И телик черно-белый?

– Может, он маскировался, – пожала плечами я. – Или ждал, пока срок давности по его цеховым преступлениям истечет.

Если честно, я не верила ни одному слову из того, что несла. Есть у меня дурацкая привычка – людей подразнить. Особенно доверчивого, словно теленочек, младшего братца.

Конечно, никаких денег у южного деда нет. И наследства нам от него не дожидаться. Но говорить, что он нас зовет только потому, что у него, как говорит брат, «поехала крыша»... Не все так просто.

Дед, как считает его сын, то бишь наш с Максом и Аськой папа Климент, – фигура одиозная. Жизнь прожил – любой авантюрист позавидует. Сразу после института, вместо того чтоб коммунизм вместе с прочими жителями СССР строить, пошел в торгаши. Бензин менял на самогон, самогон – на мебель, мебель – на радиолы. Попался. Отсидел. Вышел – и вместо раскаяния развернул бизнес по новой, с куда большим размахом... Опять попал под суд – в этот раз с конфискацией... Между отсидками успел жениться, настругать бабушке двоих мальчишек – нашего папу и дядю Митю, на четыре года младше отца – и очень быстро развестись. Даже странно, как такой человек согласился назвать старшего сына в честь красного маршала Ворошилова. Пошутить, наверно, решил.

Бабушка – она живет в Подмосковье и часто приезжает к нам в гости – про бывшего мужа говорить не любит. Но иногда в ее рассказах проскакивает: вот дед, молодой и бесшабашный, является домой с парой друзей... они усаживаются в гостиной – пить самогон. А к ночи кто-то из них достает наган, и все трое начинают палить, споря, кто быстрее попадет в крохотную декоративную вазочку.

Или другая история: как дед очередную бартерную (впрочем, тогда этого слова еще не знали) сделку провел. Обменял сколько-то литров водки на сто килограммов черной икры. И мой папа, несмотря на то что геолог и скромник, теперь может с чистой совестью говорить, что с детства черную икру ненавидит, потому что тогда объелся...

...Странно, что у нашего папани – соответственно, дедова сына – отцовских генов будто и нет. Внешне они похожи, а к бизнесу, к авантюрам у отца никакой склонности нет. И к деньгам он почти равнодушен. Вот дядя Митя, другой дедов сын, – он совсем другой был. Тоже, по

рассказам бабушки, с юных лет пытался шустрить. Ее сколько раз в школу вызывали из-за того, что младший то жвачками приторговывал, то даже японскими электронными часами.

«Потому и кончил плохо».

А наш папа – наоборот. Учился сплошь на пятерки, помогал по хозяйству, начинал со старших классов ездил в стройотряды и половину тамошней зарплаты честно отдавал маме. А отца своего всегда осуждал. И до сих пор осуждает. А также старается, чтобы мы, внуки, общались с дедом как можно меньше.

И здоровое зерно в его действиях, безусловно, есть. Помню, как мы с Аськой, ей тогда было четырнадцать, а мне восемнадцать, летом, несмотря на папины протесты, отправились к деду на каникулы. Так он, вместо того чтобы нравственность юных внучек блюсти, нас ежевечерне ругал:

– Вы чего, как старые клуши, дома торчите?! Времени – девять вечера, а они в квартире сидят?! Тут море, шампанское, мальчики, южное небо, а они в телевизор устались!.. Пошли бы на набережную, посидели где-нибудь, с ребятами познакомились!..

Происходило это во второй половине девяностых. Тогда, особенно на югах, кабаки – да и мальчики – были такие, что приличным девушкам не сунься. Это сейчас в поселке модный курорт с вполне безопасными дискотеками, аквапарком и дельфинарием.

Или другой случай, как дед трехлитровую банку домашнего вина притащил и заставил нас с Аськой ее прикончить. Все разглагольствовал, что это дико полезно и в цивилизованных странах его даже грудные младенцы пьют.

Ну, мы тоже ведь не железные, не крайние зануды – дедовым уговорам и поддались. И правда с его помощью трехлитровую банку уговорили. Как у меня на следующий день башка трещала!.. А бедная Аська с тех пор вообще вина не переносит.

Вот такой у нас дед. Бесшабашный. Безответственный. Безалаберный... Но, и в этом я уверена абсолютно, секреты у него есть. Конечно, не клад и не скопленные нечестным трудом средства (если какие сбережения и были, он их наверняка давно уже промотал). Да если б еще и оставались – наш дед совсем не альтруист. Он, Макс прав, лучше себе телевизор купит, чем внукам жертвовать. А что же тогда у него за тайна?..

– ...В общем, я сказал, что у тебя до черта семинаров в неделю, а у Аськи ребенок, и мы приехать не сможем, – пробухтел братик. – Правильно?..

Правильно-то оно правильно... Но, с другой стороны...

Если мы никуда не поедem, то исполним свой долг. Я не подведу своих коллег по институту, Ася продолжит бесконечное ублажение ребенка и мужа... То есть мы поступим, как поступил бы наш правильный, высокоморальный папа.

Но только деда я тоже люблю! Плюс так надоело в Москве сумрачным ноябрем! В институте – нудно, в метро – мерзко, дома – скучно... Да и Аську хорошо бы развеять. А то она после рождения Никитки ни разу дальше километра от дома не отходила, сидит, возится то с ним, то с противным мужем. А тут такая оказия! И самой развеяться, и сестру развеселить, да и потом – вдруг дед и правда завещает нам что-нибудь полезное?

В конце концов, чем мы рискуем? Ну, уедем ненадолго из Москвы, потратимся на билеты да на гостинцы старичку.

– А ты сам поехать сможешь? – спросила я брата. – Не умрет без тебя твой теннис?

– Да нет, наверно... – растерялся он.

– Тогда езжай за билетами. Мы вылетаем сегодня вечером. Как дед и просил.

– Ты гонишь! – изумленно выдохнул Макс.

Я только поморщилась, но пенять ему на жаргон не стала.

– А как же твои семинары? – продолжал напирать брат. – Да и Аську этот ее хрен с горы, муж, в жизни не отпустит!..

– А кто его спросит? – усмехнулась я. – Все, я решила. Мы едем! Хоть к деду, хоть к черту на рога!

Надоело мне быть пай-девочкой, и точка!

Тем же днем. Ася

Таких скандалов муж мне еще не устраивал. Трения, конечно, и раньше бывали, и оралы мы друг на друга, и дулись, и даже ужинали в полном молчании, но идиоткой он меня прежде не называл. Никогда. И про послеродовой психоз не упоминал ни разу. И семью мою не цеплял, не говорил, что мы – сборище ненормальных.

А тут раскричался:

– Тащить ребенка! В самолете! Непонятно куда! Непонятно зачем?!

И все мои объяснения, что дед хочет нам, всем троим, огласить завещание и вручить нечто важное, Мишка даже слушать не захотел.

– Это безумный старик! Понимаешь: просто безумный! А ты идешь у него на поводу!..

Я, конечно, тоже не выдержала. Обозвала Мишку в ответ провинциальным дундуком и халявщиком. Сказала, что подаю на развод, и велела убираться из квартиры, хотя живем мы на съемной, и если муж и правда уйдет, то платить за нее мне будет нечем.

В общем, рассорились в пух. Хорошо, что Никитка нашего скандала не слышал, а то б точно начал реветь так, что не остановишь.

Мишка ушел на работу с каменным лицом, а я осталась наедине со спящим ребенком и беспросветным дождем за окном. Так сразу грустно стало... И я подумала: «А если Мишка и правда вечером не придет?» Это ведь ужасно: ночевать одной, и просыпаться одной, и даже словом перемолвиться не с кем, потому что максимум, на что пока способен Никитка, – это реплика «тя-тя-тя-тя-тя!».

Я уже была готова первой дать задний ход, извиниться перед Мишкой и от поездки на юга отказаться. Никакое дедово завещание не стоит семейных скандалов.

Но удержала меня сестрица Машка. Примчалась к нам с Никиткой уже с билетами, замахла пестрыми бумажками:

– Смотри, Аська! Нам с Максом – по одному, а тебе – целых два!

– Почему два? – не поняла я.

– Один твой, второй – Никитин.

Никитка – звук собственного имени, как и свое отражение в зеркале, он любит самозабвенно – тут же заулыбался, запротягивал к Маше ручки. Сестра с удовольствием схватила малыша, прижалась щекой к его щечке, зафырчала, имитируя любимый племянником звук паровозика.

«Эх, пора ей тоже своего... Пора», – в который уже раз мелькнуло у меня.

Но развивать тему я не стала. Вместо этого спросила сестру:

– А Никитка разве не бесплатно летит?

– Бесплатно. Но билет ему все равно выписали, как большому, только видишь, написано «фри оф чардж».⁴ И еще ему в самолете люльку дадут.

– Люльку?

– Ну да. Это такое корытце, оно к передней стенке крепится, вместо обеденного столика.

– Ага, усидит он в люлке, – я с сомнением покачала головой.

– А куда денется? – беспечно дернула плечами сестра.

И я вновь подумала, что, наверно, Мишка прав и я зря согласилась на эту поездку. Машка и Макс просто не понимают, каково это – путешествовать с грудным ребенком, да еще таким

⁴ Бесплатно (англ.).

капризным, как Никитос. Дорога в аэропорт, регистрация, автобус к самолету, перелет... Везде сквозняки и пассажиры с инфекциями, а у него еще не все прививки сделаны. Да и когда приедем, тоже не легче. Удобств в дедовском поместье никаких, туалет во дворе, и даже бойлера нет, чтоб согреть воду для купания, ее на газовой плите кипятить надо.

– Слушай, Маш... А давай вы с Максом вдвоем полетите? Я боюсь: заболеет в дороге Никитка. Или так нас изведет, что все не в радость будет...

– Но-но-но. Что за упаднические настроения? – нахмурилась сестра. – Во всех цивилизованных странах дети летают с рождения. А чем вы с Никитой хуже?

Никитка в этот момент воспользовался тем, что тетка отвлеклась, виртуозным жестом сдернул с ее носа очки. И немедленно засунул их в рот.

– Фу, кака! – выкрикнула я. И потянулась отбирать.

– Не кака, а «Гуччи», я год на них копила, – обиделась Машка. – Да ладно, пусть играет.

Но на свои «Гуччи», стекла которых с упоением облизывал племянник, смотрела с нескрываемой жалостью.

Я попыталась отвлечь Никитку его любимым паровозиком, но хитрый парень игрушку проигнорировал. Уже большой, понимает: паровоз при нем целые дни, а тетя с восхитительными, все в бактериях, очками приходит не часто.

– Оставь ребенка в покое, – строго сказала сестра. – И иди собирайся. Что там ему нужно: пара ползунков, пара памперсов...

– Ему нужна целая гора одежды! И лекарств ящик.

– Да, Аська... – покачала головой Мария. – Ты и правда какой-то клушей становишься!

Пришлось возразить:

– Я не клуша. Я мать. И потом, ты же сама говоришь: шансов, что дед чего-то стоящее расскажет, очень мало. Вот и летите вдвоем с Максом. А от меня передавайте ему извинения, и коробку конфет я с вами отправлю. Что дед, не понимает, что у меня ребенок грудной?

– Нет, – безапелляционно отрезала сестра. – Дед сказал: мы должны прилететь все троим.

Я решила зайти с другой стороны:

– Маша, ты взрослый, зрелый человек. Преподаватель вуза, кандидат наук. Неужели еще не усвоила, что чудес на свете не бывает? И если дед говорит, что готов изменить нашу жизнь, – он, скажем так... преувеличивает. Если не сказать, – я замаялась, вспомнив, что сестра не любит жаргон, но все же закончила: – Гонит пургу.

– Да все я, Аська, понимаю, – неожиданно легко согласилась она. – Скорее всего, дед чудит. Просто соскучился, хочет нас всех увидеть, вот и придумал интригу, чтобы мы наверняка прилетели. Но... ты помнишь историю с яблоками?..

Никитка услышал слово «яблоко» – продукт, который можно бесконечно долго обсасывать и надкусывать с риском подавиться, – и сразу оживился.

– Нет, зайка, – твердо сказала я. – Никаких яблок. Сейчас будем обедать.

А непедagogичная по отношению к малым детям сестра только пожалала плечами, схватила из вазы на столе антоновку и протянула племяннику.

Никитка вгрызся в плод мертвой хваткой.

– Ему только смирненку можно! – пискнула я.

– Да какая разница! – фыркнула сестра. И продолжила давить: – Ну ты вспомни, вспомни, как тогда, восемь лет назад, дед нас с этими яблоками развел!..

Да что там особо вспоминать.

Вокруг Абрикосовки – южного поселка, где проживает наш дед, – полно садов. И яблоки в них обалденные. Сочные, в меру сладкие, налитые. Только вот он, один из парадоксов нашей действительности, – в поселке их не купишь. Их сразу увозят на продажу куда-то в дальние города. Нам с Машкой случайно единственное яблоко перепало, и мы сразу загорелись: вот бы

таких раздобыть хотя бы килограммчик! Только шансов у нас не было – сады в Абрикосовке охраняются покруче, чем иные военные объекты: дядьки с ружьями, собаки и даже видеонаблюдение.

Мы пожаловались деду, что нигде не можем достать местных яблок. Он поначалу только плечами пожал: на рынке турецкий «гольден» продается, его и покупайте... Но как-то вечером ворвался в нашу комнату с самым загадочным видом. Велел:

– Срочно одевайтесь!

И бросил на кровати по комбинезону защитного цвета.

– Зачем? – обалдели мы.

– Идем сады грабить.

Грешны: колебались мы недолго. Послушно оделись – комбинезоны, что удивительно, оказались точно впору. И со всеми предосторожностями, дед во главе, отправились на промысел.

О, какое это было приключение! Мы резали специальными плоскогубцами проволоку на заборе... затаивались в канавах... чтобы сбить со следа собак, посыпали следы белым, за неимением кайенского, перцем... вдалеке слышались мужские голоса, лай и даже звуки отдаленных выстрелов, луна то исчезала за тучами, то расплывалась в предательской улыбке... но миссию мы в итоге выполнили – и вернулись домой страшно довольные, с полными рюкзаками восхитительно вкусных яблок. Машка, хоть уже и студентка была, радовалась, как ребенок, я тоже была в восторге, но больше всех ликовал дед. Не уставал повторять: «А ведь нас, милочки мои, подстрелить могли запросто! Или в милицию забрать, вот ваши родители бы порадовались!..»

Мы смотрели на деда, нашего проводника, как на бога. А перед отъездом случайно подслушали его разговор с приятелем – тот, как мы поняли по контексту, служил в яблоневых садах начальником охраны. И дед благодарил его за то, что тот «помог развлечь девчонок и разрешил эту маленькую авантюру».

...– Но что в той истории такого особенного, Маш? – усмехнулась я, не спуская глаз с Никитки, который с остервенением вгрызался в яблочную кожуру. – Забавно, конечно, и вкусно, но...

– Да я в ту ночь, когда мы сад грабили, только, считай, и жила! – неожиданно выпалила сестра.

– В смысле? – Я удивленно уставилась на нее.

– Так все скучно! Институт, учеба, работа, экзамены, помыть посуду, уступить место старушке... Все правильно, все рассчитано: в двадцать пять лет – кандидатская, к сорока – докторская, инфляция десять процентов в год, пить – вредно, курить – нехорошо... Кругом сплошные нормы. Надоело!

– Вау! – не удержалась я. – А гены-то работают. Дедова внучка!

– Дедова, – кивнула она. – Я ему завидую. Он хоть пожил интересно...

– И что это ты до сих пор преподавательницей в институте работаешь? – продолжала подначивать я. – Может, тебе подать заявление в какое-нибудь ЦРУ? Авось возьмут в агенты ноль-ноль-семь?

– Да я бы пошла, если б позвали, – с искренним сожалением вздохнула Машка. И добавила: – А то с этой правильной жизнью иногда тоскливо до жути. – Она тяжело вздохнула. – И одиноко.

Я понимающе склонила голову: теперь, когда Мишка, разозленный, ушел, я понимала сестру как никогда. Конечно, она тоскует не из-за того, что у нее работа «правильная», а потому, что в свои двадцать восемь до сих пор одна. До чего ужасно, когда тебе некого ждать по вечерам!..

– Ты смеяться будешь, но я даже своим студентам завидую! – задумчиво продолжала Машка. – У них-то пусть дождь и сырость, а постоянно какие-то события. Любовь, вечеринки. В Питер мотаются на выходные... А у меня сценарий один: работа – дом, работа – дом.

Я тоже не удержалась и пожаловалась:

– У меня и вовсе: только дом.

– Ну вот. А тут съездим, развеемся. Дед-то – он при всех своих минусах – такой забавный! То, что он Макс у про какую-то выгоду говорил, – это, конечно, полная ерунда. Но наверняка он нас развлечет. Всех троих. И особенно тебя, а то ты совсем уже в своих ползунках погрязла. Сплошная гладка-готовка-стирка.

Будто в ответ Никитос издал утробный звук... и вывалил кусочки непереваренного яблока на свежестырянный комбинезончик.

– Срыгнул. Говорила тебе: не давай! – напустилась я на сестру.

– А, ерунда, – отмахнулась Машка. – Оставь мужу – постирает...

– Нет, Маша. Я никуда не полечу.

– Полетишь, – усмехнулась она. И добавила: – Только насчет пары ползунков я, пожалуй, была не права. Бери как можно больше.

Тем же вечером. Макс

Захотели приключений – и получили их с избытком.

Начать с того, что сестры решили сэкономить – не вызывать такси по телефону, а поехать на частнике. Частником оказался, как и положено в Москве, колоритный горец на ржавых «Жигулях»-«пятерке». (Когда мы голосовали, втроем плюс Никитос у Аськи на руках и три чемодана, мимо проезжали и более приличные машины. Но иных охотников остановиться возле нашей живописной группы не нашлось.)

Дороги в аэропорт горец не знал, нас, когда мы ему советовали, как ехать, не слушал. Плюс вечные столичные пробки, а едва мы из них выбрались – машина чихать начала, потому что бензин кончался, еле дотащились до заправки... Время летело, регистрация заканчивалась, Аська с Машкой все больше впадали в истерику, и даже Никитос, который вначале воспринимал поездку с восторгом и упоенно со своего заднего сиденья драл водителю роскошную шевелюру, начал канючить.

В итоге во Внуково мы явились за полчаса до вылета, и дальше прочие пассажиры могли лицезреть живописную картинку: как Аська с крошечным, притихшим от множества событий Никиткой под мышкой умоляет самолетных служительниц не снимать нас с рейса, а мы с Машкой, два барана, периодически подвываем: «Ну по-ожалу-уйста!»

А едва мы прошли в самолет и в изнеможении рухнули в кресла – Никитос вдруг налился пунцом, закричал и огласил салон характерными звуками, плюс запашок пошел, будто и не малый ребенок по-большому сходил, а добрый молодец.

Аська – нервы у нее с этой семейной жизнью и правда стали ни к черту – намылилась рыдать. Пищит, на глазах слезы, губы дрожат:

– Что теперь делать? Как его тут переодеть?! Я говорила вам!.. И зачем я согласилась лететь?!

А Никитос, страшно довольный, что облегчился, спокойно развалился в кресле и принялся сосать привязной ремень.

– Да чего ты волнуешься? Сейчас поменяем подгузник – и вся проблема! – с напускной бодростью сказала Маша.

Но самолет уже тронулся, стюардессы вставать запретили, и потому всему нашему салону пришлось взлетать с зажатыми носами...

Полет и дальше проходил экстремально. На взлете Никитка орал как резаный. А едва успокоился, Машка с Аськой, горе-женщины, понесли его подмывать и едва не уронили в унитаз. Потом со стороны племянника были бесконечные скачки по сиденью, разрывание на клочки журнала и горестные завывания, когда Ася это занятие пресекла. А как только принесли ужин, ребенок взялся швыряться булочками и взбивать в стаканчике ладонью апельсиновый сок.

Мы с Машей по мере сил пытались остановить бесчинства юного родственника, но нам это удавалось плохо. Никитка нас и щипал, и слюнявил, и ревел на наших плечах. А больше всех, конечно, доставалось Аське. Та и кормила, и утешала, и поила его, и чистила нос, и гладила, и укачивала...

А я к моменту, когда самолет пошел на посадку, решил окончательно и бесповоротно: нет уж, дети – это не для меня! Особенно такие мелкие, как Никитка. Приколно, конечно, когда он тебе рожи строит и с преехиднейшим видом царапает за нос, но слишком уж много сопутствующих проблем. Особенно в самолете.

Впрочем, после приземления тоже пошло неслабо.

Сначала мы бесконечно долго, уставший Никита все это время канючил, ждали багаж. Когда наконец получили его, выяснилось, что у Никитовой коляски потерялось колесо, и только пронзительный, натренированный бесконечными лекциями Машкин голос вынудил грузчиков оторвать свои задницы от лавочки в курилке и найти несчастное колесо.

Таксисты в аэропорту Краснодара тоже нас не порадовали – дружно заламывали за поездку до Абрикосовки такую цену, что даже я, человек, абсолютно равнодушный к деньгам, хватался за голову. Посему пришлось отказаться от заманчивых «Тойот» и «Фордов» с кондиционерами и согласиться на предложение очередного горца и его ржавую «пятерку», точную копию той, на которой мы мучились в Москве...

Дорога в Абрикосовку идет по перевалам, от бесконечных поворотов Никитку нещадно тошнило, он всю дорогу ревел, и я, человек, привыкший к переездам, малыша понимал: тяжело. Я б тоже сейчас с удовольствием поканючил, будь у меня столь благодарные слушательницы, как Ася с Машей...

А ведь мы еще не добрались до Абрикосовки, там, чтобы до дедова поместья доехать, надо будет «уазик» искать...

– Дернул же меня черт влезть в эту авантюру! – в какой-то момент выкрикнула измученная Аська.

За окном стояла ночь, еще более кромешная, чем в Москве, и в свете фар мелькали мокрые, почти облетевшие деревья.

Я в этот момент – потому что Никита орал особенно громко – был с ней полностью согласен.

И только Машка, железная леди, закаленная в боях со студентами, прошипела:

– А ну, всем не ныть! Дед же обещал: мы не пожалеем!

27–28 ноября.

Семья. Встреча с дедом

Частник выгрузил их на автостанции Абрикосовка. По статусу – самый центр, что-то вроде поселковой *Тверской* – тут в двух шагах и мэрия, и местный ГУМ, то бишь вещевого и продуктового рынок, и стоянка такси. А по виду – небольшой, плохо освещенный пяточок. Тем более грустно здесь было сейчас, кислым южным ноябрем.

Время близилось к девяти вечера, и темнота поселок уже накрыла такая, как только на юге бывает: чернильное небо, россыпь холодных звезд и единственный на всю площадь фонарь.

Таксист получил расчет, выгрузил их чемоданы на заплыванный асфальт и яркой кометой унесся обратно, в черноту неосвещенного шоссе. И сразу почему-то стало совсем одиноко и неприютно. Пока добирались – как-то держались, сплоченно и терпеливо, а сейчас, почти доехав, мигом раскисли. Никитка, прикорнувший было в теплой машине, тут же взялся канючить, и никакие Асины: «А вот дядя пошел! А укуси Макса за нос!» – уже не помогли. От Макса – вот они, не приспособленные к тяготам жизни мужики! – тоже толку никакого. Воробато оглянулся на сестер и потрусил к единственной освещенной в этот час палатке: явно вознамерился залить усталость и тяжелую дорогу пивком. И это вместо того, чтобы найти машину, которая довезла бы их до дедова логова! Тоже мне, сильный пол. А ведь Макс – еще один из лучших его представителей...

Маше очень хотелось нагнать брата и сделать ему внушение, но потом она решила: и без него справится. Оставив сестру умашивать племянника, девушка решительным шагом направилась к группке таксистов. Вежливо поздоровалась (южане могут простить москвичам ненавистный акающий говорок, но грубость – никогда) и спросила:

– Извините, пожалуйста. У кого-нибудь из вас есть «уазик» или джип?

– А куда ехать? – немедленно оживились мужики.

– В район «Газовика».

«Газовиком» назывался дом отдыха в пятнадцати километрах от поселка. Ближайшая к дедову дому точка цивилизации.

– На «Газовик»? А на фига? – удивился кто-то из таксистов. – Он же закрыт. Не сезон.

– Мне не совсем туда, – терпеливо пояснила Мария. – Там есть жилой дом, километрах в трех в сторону... Знаете, где раскопки дольменов раньше были.

Водители переглянулись.

– Тебе к Матвеичу, что ли? – спросил один из них.

– К нему, – кивнула Маша.

– А ты кто ему будешь? – продолжал допрос водителя.

Маша с трудом проглотила и ненавистное тыканье, и неумное провинциальное любопытство – и покорно ответила:

– Я его внучка.

Мужик отреагировал непонятно. Ухмыльнулся:

– Вот как! Что ж, повезло тебе...

Маша начала закипать:

– Послушайте. А можно ближе к делу?

– Молодец, внучка. Шустрая, – ухмыльнулся шофер. А потом опять сказал непонятное: – Как иначе – на-аследница.

«Что там наследовать? Этот сарай?» – едва не фыркнула она. Но от ненужной дискуссии удержалась и снова вернулась к вежливому тону:

– Так что насчет машины? Мне нужно обязательно попасть к деду прямо сегодня.

– Я понимаю. Засуетились... – встрял еще один таксист. – Теперь Матвеич всем нужен...

– Только я на «Газовик» и за косарь не попрусь, – подхватил третий. – Особенно сейчас, когда дожди прошли.

Таксисты переглянулись. Один из них неуверенно обратился к товарищу:

– Может, Колян, твой «Иж» туда пройдет?

– Щаз, – окрысился тот, кого называли Коляном. – Чтоб мне потом, за ихнюю штуку, всю подвеску менять?!

Пятнадцать километров пути, а водилы и за штуку ехать не хотят? Совсем оборзели.

«Нужно, наверно, с ними ругаться. Или уговаривать, – тупо думала Маша. – Или другой вариант. Какую-нибудь гостиницу в поселке поискать. Поздно уже, все вымотались. Перекантуемся ночь, отдохнем. А завтра с новыми силами... Эх, прав был Макс: ерунду я с этой поездкой затеяла...»

Действительно, ситуация была из разряда дурацких. Провинциальный поселок, ночь, намечающийся дождик, три чемодана, уставший грудной ребенок, а деду даже не позвонишь. Кабель в его дыру не протянули, а мобильники в глухом лесу тоже не берут...

И Маша поймала себя на странном ощущении. Вроде и разговор таксистов слышит, и брата – он уже торопится к ней, нежно прижимая к себе две бутылки пива – видит, и Аську с племянником на руках, а такое чувство, будто она на другой планете. Будто все люди вокруг и все их разговоры – далеко-далеко... Вот что значит усталость.

Подошел брат, потянул ее за руку:

– Пошли!

Занятая грустными мыслями, Маша не сразу заметила, что лицо у него лучится восторгом.

– Куда вы?! Давай в гостиницу отвезу! – крикнул в спину кто-то из таксистов.

Но Макс ей даже обернуться не дал, продолжал тащить за собой. Они вернулись к Асе, которая по-прежнему стояла посреди площади с плачущим Никиткой на руках и чемоданами пообочь, и в этот момент к их группке плавно и с достоинством подкатил большой черный джип. Маша плохо разбиралась в марках машин, но эту узнала: «Тойота Лэндкрузер». Именно на такой ездил один из ее несостоявшихся женихов – тот самый, который мечтал взять себе в марухи интеллигентную подругу.

– Это что? – удивленно уставилась на брата Маша.

– Дед за нами прислал, – небрежно пожал плечами Макс.

А из джипа уже выскочил шустрый паренек и начал закидывать их вещи в багажник.

– Дед?! – еще больше изумилась Маша. – Но откуда у него джип?!

Макс только руками развел, объяснил:

– А я знаю? Я покупал пиво в ларьке, а тут этот парень подходит. Спрашивает: «Ты Максим Шадурин?» Я офигел. «Откуда, – говорю, – знаешь?» – «Мне, – отвечает, – ваш дедушка фотографии показывал, я вас всех знаю. Вон Ася стоит с правнуком Никитой, а с таксистами разговаривает Маша».

– Ерунда какая-то, – перекрывая Никиткин плач, изумилась Ася.

– Сюрреализм, – согласилась Мария.

А Макс продолжал:

– «Ну а ты-то, – я этого парня спрашиваю, – кто такой?» А он говорит: я, мол, дедов шофер.

Еще смешнее. С каких это пор российские пенсионеры стали обзаводиться шоферами?!

И Мария – непонятностей и недоговорок она не любила – зычно, как на лекции, позвала:

– Молодой человек! Подойдите сюда.

Водитель джипа послушно приблизился.

– Будьте добры объяснить, что это за машина? Куда вы собираетесь нас везти? И как, наконец, вы узнали о нашем приезде?

Молодой человек смиренно выслушал ее вопросы. Подмигнул Никитке – малышу реветь уже надоело, он таращился и на водителя, и особенно на машину во все глаза. И ответил – речь его звучала на удивление правильно, без всяких южных гэканий и жаргона:

– Машина принадлежит Николаю Матвеевичу Шадурину, он ваш дед, а вы – Мария, Ася и Максим Шадурины. Узнал, что вы приедете, я от хозяина. Встречаю вас здесь, на автостанции, с утра. И везти, соответственно, собираюсь к Николаю Матвеевичу на виллу.

– Куда везти? – изумленно выдохнул Макс.

– На виллу. Николай Матвеевич так свое жилище именуется, – тонко усмехнулся шофер.

– Да, дед у нас известный шутник, – пробормотала Маша.

– Почему шутник? – вдруг обиделся шофер. – Это терминология. Я сам читал, что дом площадью свыше шестисот квадратов принято называть виллой.

Шадурины изумленно переглянулись.

– И давно дед построил... эту свою виллу? – осведомилась Маша.

– Бригада отделочников неделю назад ушла.

– Я ба-алдею. – Макс, будто пытаясь проснуться, затряс головой.

– Вы едете или нет? – спросил дедов водитель.

– Едем, – кивнула Маша.

Она по-прежнему ничего не понимала. Их дед, конечно, большой мастак пустить пыль в глаза: когда несколько раз в жизни они вместе ходили в рестораны, чаевые оставлял такие, что официанты перед ними едва канкан не плясали. Но джип с личным шофером и уж тем более вилла – это явный перебор.

Шофер тем временем гостеприимно распахнул перед ними дверцы машины. Сказал:

– Располагайтесь!

Внутри машины приятно пахло кожей, струилась еле слышная, в восточном стиле, музыка, блистала уютными многоцветными огоньками панель приборов – в общем, полная роскошь. Представить в подобном интерьере деда – в его любимом стареньком камуфляже – было решительно невозможно. Что, интересно, за чудеса с ним произошли?! К тому же он о каком-то завещании упоминал... В любом случае отправились на юг они, видно, не зря.

– А ты не хотела ехать! – триумфально шепнула Маша сестре.

– М-да уж... – растерянно пролепетала Ася. – А нам это не снится?..

И запустила повизгивающего от нетерпения Никитоса в теплое, полное всяких милых детскому сердцу фенечек, нутро машины.

Николай Матвеевич Шадурин встречал их на въезде в свое поместье, подле кованых, прихотливо изогнутых ворот. Мария, Ася и Максим издали в свете мощных фар джипа разглядели его сухонькую, укутанную в плащ-дождевик фигуру. Водитель загодя, метрах в десяти, вдавил кнопку дистанционного управления, створки ворот лениво поползли в разные стороны, а дед приветственно замахал рукой.

– Ну, старикан дает! – тихо, чтоб не расслышал шофер, прошептал Макс.

– Тут раньше даже забора не было... – удивленно вспомнила Ася.

Джип, мягко шурша гравием, триумфально въехал во двор.

Раньше то был пустырь с одинокой грядкой редиски, кривобокой поленицей и несколькими юными фруктовыми деревцами, кои старик гордо именовал «мой сад». Теперь же дедову обителю было просто не узнать. Классическое жилье «новых русских» – как его изображают, к нещадной зависти зрителей, в современных сериалах. Кованая ограда, мощенные камнем

дорожки, посаженные в живописном беспорядке деревья-крупномеры и даже фонтан, правда, выключенный, ввиду, наверное, дождя и позднего времени.

Производила впечатление и вилла – трехэтажная, отштукатуренная в безупречный кремовый цвет.

А вот дед посреди всего этого великолепия казался не хозяином, а самозванцем. Ни золотой цепью, ни даже кожаным пиджаком он не обзавелся. Был одет в привычный старенький камуфляж. Плюс неухоженные ногти, небрежная стрижка... И глаза такие же, как раньше, – молодые, лучистые и хитроватые.

– Внучата мои! Приехали!.. – радостно приветствовал он гостей.

И без лишних церемоний выхватил из Асиных рук усталого, зевающего Никитку.

– А это, наверно, мой правнучек? Здравствуй, Никитушка!

Ася сжалась – с нравом сынули она, слава богу, знакома. Тот не переносит ни фамильярного «Никитушки», ни тем более чужих объятий.

Но малыш, на удивление, протестовать не стал. Широко улыбнулся прадеду и вцепился ему в бороду.

– Молодец, мальчик! Сильный! – похвалил Николай Матвеевич, поспешно возвращая ребенка внучке.

Тем временем они вошли в дом – и дедова вилла предстала перед ними в полном своем блеске. Огромный зал, натертый паркет, массивный стол красного дерева, кожаные кресла, горка, полная посуды тонкого фарфора. По стенам – картины сплошь с морскими пейзажами (пара из них по манере письма удивительно напоминала Айвазовского). На красивой низкой подставке – модель парусника с крошечными белоснежными парусами и искусно выточенными фигурками матросов на палубе. Довершали картину несколько установленных на столе канделябров, по виду бронзовых – в них уютно плавилась свеча. А вот электрического света не было.

Гости топтались на пороге в немалом изумлении – даже разговор, от потрясения, никак не удавалось завести. Все прекрасно помнили, как приезжали к деду позапрошлым летом, всего-то полтора года назад. И ютились всем кагалом в единственной гостевой комнатке с дощатым полом и растрескавшимся потолком. А мыться ходили в обустроенный прямо на улице жалкий душик.

Маша опомнилась первой. Строго спросила:

– Дед, что случилось? Откуда все это?!

Старик улыбнулся:

– Что, нравится?

– Впечатляет, – не стала притворяться Мария. – Но ты вроде всегда на пенсию жил. Три тысячи рублей в месяц, если не ошибаюсь?.. На дрова и то не хватало.

– А жизнь, Машенька, штука полосатая, – загадочно ухмыльнулся дед. – Вчера дров нет, а сегодня камин дымит, печник никак разобраться не может, в чем проблема...

– И все-таки, – не сдавалась Маша. – Такая вилла – это ведь огромные деньги!

– Да какие там огромные! Не больше миллиона. Я имею в виду, конечно, долларов. – Дедовы глаза смеялись.

– Может, ты, дедуль, в мафию подался? – хохотнул Макс.

– Мафия – это для молодых. И тупых, – презрительно скривился Шадури-старший. – Впрочем, что за допрос прямо с порога? Не хотите ли пройти в свои комнаты, отдохнуть с дороги, уложить моего дорогого правнука спать, а после всем вместе собраться здесь к скромному ужину?.. Тогда и поговорим.

– Нет, объясни сейчас! – Маша явно не хотела сдаваться.

Но дед только отмахнулся:

– Все, разговор окончен. Арина вас проводит.

За его спиной уже маячила средних лет женщина в белоснежном переднике, она тепло улыбалась гостям.

– Слушай, дед, а почему свечи? У тебя свет вырубили? – не без ехидства поинтересовался Макс.

– Просто я полагаю, что электричество – это скучно, – пожал плечами дед. – Подумай сам: море, лес, одиночество – это все просто обязано дополняться свечами...

Впрочем, выключателем щелкнул, комната осветилась мертвенным светом энергосберегающих ламп – и действительно, сразу потеряла половину своего очарования.

– Может, у тебя и горячая вода есть? – с надеждой спросила Ася.

Дед только усмехнулся.

А в разговор вступила прежде молчавшая Арина:

– Конечно, есть. Душевые при каждой из гостевых комнат, и в подвале – сауна и джакузи. А для вашего малыша мы, кстати, детскую ванночку купили. И кроватку. Николай Матвеевич велел.

– Да-а, клёво быть помещиком! – хмыкнул Макс.

– Не жалуясь, – усмехнулся в ответ дед. – Ну, идите же, отдохайте, переодевайтесь! Ужин подадут ровно через час.

Усталости как не бывало – один малыш Никитка не выдержал, уснул, едва коснувшись головой подушки, Асе его, против обыкновения, даже укачивать не пришлось.

Гости, освежившись в душе и с удовольствием переодевшись – грязную одежду забрала Арина и обещала к завтрашнему дню постирать и погладить, – собрались за столом в гостиной. В дальнем уголке массивного стола диссонансом смотрелись их скромные дары – батон сырокопченой колбасы, коробка конфет и стограммовая баночка красной икорки. Прежде старик их за такие подарки благодарил – и нынче поблагодарил тоже. Однако к ужину Арина подала семгу, запеченную под шубой из креветок, перепелов в кляре и суфле-панке. Воистину, неисповедимы пути Господни!

Дед об источниках своего внезапно возникшего благосостояния упорно молчал. Отшучивался.

Расспрашивал про Москву, про Максовы теннисные турниры, Машиных студентов, Асиного мужа... И лишь когда Арина убрала тарелки и подала – на выбор – чай или кофе, триумфально изрек:

– Что ж, довольно вас мучить.

Он сделал в лучших традициях МХАТа паузу и встал из-за стола.

Ровно за его спиной – а сидел дед, как и положено хозяину дома, во главе стола – располагалась картина, изображавшая, разумеется, так любимое дедом море, а в нем – длинноволового, бородатого и изможденного мужчину, из последних сил цеплявшегося за обломок доски.

Подпись под полотном гласила: «Д. Гагин. Кораблекрушение. Холст, масло. 1986-й год».

«Кто, интересно, такой этот Гагин? – мелькнуло у Маши. – Никогда про такого художника не слышала, хотя картина неплохая».

Но додумать мысль она не успела – дед небрежно сдвинул «Кораблекрушение» в сторону. Под картиной, тоже в лучших традициях «новых русских», оказался вмонтированный в стену сейф. Дед ловко отщелкал цифры кода, массивная стальная дверца с приятным клацаньем отворилась... и хозяин осторожно извлек из недр несгораемого шкафа упакованный в несколько слоев пленки предмет – по размеру как небольшая цветочная ваза.

Дед бережно водрузил свою ношу на стол и принялся аккуратно и торжественно разворачивать пленку.

Гости в изрядном нетерпении наблюдали за его манипуляциями. Вот наконец упаковка сложена рядом – и их взорам явилась... всего-навсего очень старая, металлическая, с потрес-

кавшейся эмалью и какими-то письменами, чаша – или ваза – на высокой, утолщенной книзу, ножке.

– Вот она, – триумфально, с придыханием, произнес дед.

Гости в изумлении переглянулись. «Раньше в таких мороженое подавали. В дешевых кафешках», – мелькнуло у Маши.

– И что это за дрянь? – без всякого пиетета озвучил общую мысль Макс.

Дед насупился и с неудовольствием зыркнул на внука.

– Прости, конечно, дедуля, – засмутился внук.

– Но мы чего-то совсем другого ждали! – пришла на выручку брату Ася.

Мария строго сказала:

– Ты обещал объяснить, откуда у тебя миллионы взялись. А сам какую-то железку предъявляешь.

Взгляд Шадурина-старшего потеплел.

– Ах, дорогие мои... Вы, все трое, еще так молоды. Неразумны и горячи... – вздохнул он.

– А можно ближе к делу? – насупилась Маша.

Но дед лишь легонько плечом дернул.

– Я тоже, когда впервые увидел сей предмет, едва удержался, чтоб не пнуть его ногой. Как хорошо, что я этого тогда не сделал!..

– А что это вообще такое? – вежливо поинтересовалась Ася. – Вроде вазочка...

– Вазочка, да не совсем, – важно ответил дед. – Чаша эта, как гласит справочник антиквара за прошедший год, относится ни много ни мало к девятнадцатому столетию и сама по себе представляет немалую художественную ценность, вы только посмотрите на матовое золочение, патинирование и изящные письмена... Но уникальность ее совсем в другом.

– ...Потрешь ее, из бороды волосок выдернешь – и тут же джинн явится. И виллу тебе построит, – перебила Маша.

Дед внучкину реплику проигнорировал. Прокашлялся, откинулся, в стиле матерого рассказчика, на стуле и начал:

– Это случилось в начале марта. Стоял светлый, наполненный робким дыханием весны денек.

– Чем-чем наполненный? – фыркнула Мария.

Дед не ответил. Продолжил:

– Я шел по берегу моря, направляясь к причалу, где меня ожидала моя верная «Катти Сарк»...

– Это твоя шаланда так называется? – снова не удержалась Маша.

Про дедов катер все трое слышали неоднократно, правда, прокатиться на нем никому из них ни разу не довелось. «Старая посуда», как называл ее дед, вечно находилась то в ремонте, то в покраске.

– Видели бы вы ее *сейчас!* – не удержался от похвальбы старик. – Вся блестит, новый двигатель на сто пятьдесят пять лошадей, мореходность – пять баллов, скорость – до тридцати узлов!.. Впрочем, мы отвлеклись. Мой причал, я вам когда-то рассказывал, расположен на территории дома отдыха «Газовик», потому как в поселке, в Абрикосовке, места на причале стоят неоправданно дорого, а здесь за постой берут деньги вполне разумные... Правда, до «Газовика» добираться далеко и неудобно – или на «уазике» по лесам, или кромкой моря, вдоль диких пляжей. Машины у меня до недавнего времени не было, поэтому мне только и оставалось проделывать пешие прогулки. Но ранней весной, хотя в моем возрасте и тяжело прыгать по камням, прогуляться по берегу моря очень полезно. А знаете, кстати, почему? – Он пылливо взглянул на собравшихся.

– Озон, цветение садов и все такое? – предположила Маша.

– Бегом от инфаркта? – подхватил Максим.

– Чушь, – резюмировал дед. – Я, конечно, романтик, но не до такой степени. Дело в том, что именно ранней весной на Черном море бывают самые сильные штормы. Понимаете?

– Нет, – покачала головой Ася.

– Ну как же! – начал раздражаться старик. – Штормы по шесть-семь баллов, волны размером с пятиэтажный дом, и со дна моря чего только не вздымается! Когда ветер стихает – весь берег завален. Отдыхающим, которые явятся летом, достанется лишь мусор – пластиковые бутылки, ветки, палки, тряпки, обувь, причем всегда разного размера и на разную ногу... Но прежде вдоль кромки моря проходим мы, местные. Разбиваем палками горы коряг, копаемся в водорослях. И, если ты терпелив, это занятие оказывается очень благодарным. Лично я в разные годы обнаруживал в грудах мусора и золотые цепочки, и кольца, и сережки, и кошельки – ясное дело, с содержимым, рубли в морской воде размокают, а долларам – хоть бы хны. Вот в одной такой куче, под слоем водорослей и обрывками целлофана я и обнаружил эту вещь. – Он сделал триумфальный жест в сторону своей чаши.

– Да что в ней такого особенного? Дай хоть поглядеть-то! – Макс потянулся к железке.

– Руки прочь, – строго приказал дед.

– Она золотая? – предположила Ася.

– Нет. Все гораздо сложнее.

– Да почему потрогать-то нельзя? – не сдавался Макс.

– Потому что я хочу, чтобы прежде вы поняли всю ценность этого предмета, – отрезал старик. – И начали относиться к нему с подобающим уважением... Но слушайте дальше. В то утро, когда я нашел чашу, я тоже не слишком обрадовался. Ведь с виду она, прямо скажем, не впечатляет, хотя это – бронза, и литье, посмотрите, какое изящное... Но тогда я решил: день неудачный, никакого сколько-нибудь значимого улова, ни единой золотой или хотя бы серебряной вещи. Я и чашу сначала не хотел брать – только потом вспомнил, что в моей «Катти Сарк» давно не хватает емкости под крючки и грузики, вот находка под них, подумал, и сгодится... Бросил ее в рюкзак – и забыл. Дошел до причала, поздоровался со своей красоткой...

– С шаландой? – уточнил Макс.

– Да. Несмотря на неудачное утро, денек намечался изумительный. Я стоял на причале и смотрел вдаль. Перед моими глазами расстилалось бирюзовое море. Небольшие валы волн ласково плескались о берег. Трудно себе представить это наслаждение именно одним морем, которое своим дыханием освежает организм человека...

Маша с Асей изумленно переглянулись.

– Как по писаному говорит! – шепнула младшая сестра старшей.

А дед с воодушевлением продолжал:

– Как-то легко дышится, легко думается, легко смотрится на нашу мятежную русскую жизнь... Тихое плескание волн вливает в организм какое-то сладостное ощущение, успокаивающее душу, примиряющее ее с действительностью...

Дед, как всегда, когда говорил о своем любимом море, разрозвелся, взор его подернулся мечтательной дымкой.

– А ты, дедуля, умеешь красиво излагать, – снисходительно похвалил старика Макс.

А у Маши вдруг вырвалось:

– Да это не он. Это – Моронин. «Поездка по Волге, Кавказу и морям Черному и Каспийскому».

– Чего? Моронин? О чем ты? – в изумлении обратилась к сестре Ася.

А дед слегка смутился, склонил голову, улыбнулся внучке:

– Совершенно верно, Машенька. Я действительно процитировал русского путешественника Моронина. У него изумительные по красоте путевые записки, посвященные Черному и Каспийскому морям.

– Ну вы даете! Оба! – хохотнул Макс.

– Впрочем, в сторону лирику, – вновь взял слово дед. – Итак, денек стоял замечательный, но барометр, коим, разумеется, оснащена моя «Катти Сарк», неумолимо свидетельствовал: давление стремительно падает, значит, ближе к вечеру ожидается шторм. Однако пока часы показывали только начало одиннадцатого дня. А ранний март – это месяц, когда в море полно ставриды, это такие изящные, изумительно вкусные рыбешки, обязательно как-нибудь сходим на рыбалку вместе...

– Который год только обещаешь, – обиженно буркнул Макс.

– В этом году – уж точно, – заверил дед. И продолжил: – Ставрида обычно гнездится на глубине, километрах в пяти от берега, но в тот день стайки серебристых в солнечных лучах рыбешек резвились даже на мелководье. И я решил: шторм не шторм, а в море надо выйти – хотя все наши, с причала, меня и отговаривали. «Успею вернуться», – заверил я их. И отчалил. Не люблю, знаете ли, подолгу вымачивать якоря.

– Чего? – переспросил Макс.

– Сидеть на берегу, – перевел дед. И продолжил: – Итак, я проверил снасти и вышел в море. Чуть отошел от берега – и сразу стало ясно, что я в своих расчетах не ошибся. Рыбы оказалось изумительно много. Можете себе представить: на единственный самодур – это, если не знаете, такая вырезанная из фольги рыбешка, вроде приманки – ловилось до десяти экземпляров! Небо ослепительно голубое, над моей головой возмущенно перекликались чайки, с берега доносился нежный аромат готовых к цветению яблонь... Я, увлеченный рыбалкой, совершенно забыл о времени. И не заметил, как безобидный легкий ветерок – мы называем его коша-чьей лапкой – усилился и очень скоро перешел в норд-ост. А норд-ост, дамы мои и господа, – страшная штука. Этот ветер практически неощутим, но очень коварен. Опасен он тем, что дует с берега, с севера, и незаметно, но неумолимо относит тебя в море... А когда я наконец опомнился – ставридой к тому времени были наполнены оба имеющихся на «Катти Сарк» ведра и даже сумка, в которой прежде лежали снасти, – порывы ветра достигали уже пятнадцати-двадцати метров в секунду. Никому не посоветую оказаться в открытом море, на утлом катерке, во время норд-оста! Я забеспокоился и немедленно стал заводить мотор. Но повернул ключ раз, другой, третий... Двигатель был мертв. А от берега меня уже отделяли как минимум четыре тысячи морских сажень.⁵ Я достал весла. Попытался встать круто к ветру. Но это было решительно невозможно. Можете себе представить мое отчаяние! Я всегда считал себя пусть не самым опытным, но по крайней мере грамотным мореходом. И вот сейчас беспощадный норд-ост относил меня в открытое море. А в моем катере было полно сырой рыбы и ни грамма пресной воды. И ветер усиливался все больше. И я понимал, что лишь несколько дюймов дерева отделяют меня от этой страшно таинственной бездонной бездны, которой ничего не стоит поглотить и мою «Катти Сарк», и ее единственного пассажира.

– Но почему ты не мог вызвать спасателей? – взволнованно воскликнула Ася.

А Маша безжалостно добавила:

– Ты, кстати, дед, опять цитатами шпаришь. По-моему, это из «Мрачного штурмана» Станюковича.

– Ох, Машка, с тобой просто говорить невозможно! – ворчливо обратился к внучке Шадурин-старший. А Асе ответил: – Спасателей я не мог вызвать хотя бы потому, что никаких средств связи у меня не было. Рацией моя «Катти Сарк» не оснащена, а мобильный телефон в те времена был мне не по карману...

– Но есть же какие-то радары! Патрульные вертолеты! Пограничники с биноклями, наконец! – возмущенно воскликнул Макс.

– Все это есть, – согласился дед. – Но поисковые работы в любом случае начались бы только на следующий день, потому что время уже близилось к шести вечера и стало ощутимо

⁵ Морская сажень равна 1,83 метра.

темнеть. А за ночь норд-ост однозначно унес бы меня еще километров на пятьдесят от берега. И счастье, если бы мое утлое суденышко не перевернуло...

– Однако ты жив. И прекрасно себя чувствуешь, – резюмировала Маша.

Она уже изрядно устала. И от тяжелой дороги, и от крахмальной салфетки на коленях, и от дедова, избыливающего красотами и цитатами, рассказа.

– Вот мы и подошли к сути, – успокоил ее Шадуриин-старший. – Когда к семи вечера меня накрыла абсолютная тьма, а судно начало уваливаться под ветер, то есть перестало слушаться руля, я понял, что весла можно бросать. Грести дальше бессмысленно, только зря потратишь силы. Мне оставалось лишь положиться на волю божию. Одна беда – я к своим семидесяти семи годам так и не выучил ни одной молитвы. Посему я просто, дрожа от ледяного, пронизывающего ветра, сидел на корме. Смотрел, как постепенно угасают, бьются все тише в своих ведрах пойманные ставридки... И понимал, что точно так же очень скоро угасну сам. На меня вдруг накатило очень странное состояние: мне стало до такой степени все равно – и даже весело! И я обратился сам к себе: разве это не прекрасно в мои-то годы?! Умереть не в какой-нибудь отвратительной, пропахшей старостью больнице, но в открытом море, на вольном воздухе, под шквалистым ветром!.. На глаза мне попала недавно – или давно, аж утром – найденная чаша. И я – мысли мои уже мутились – обратился к ней, словно к живому предмету: «Видишь, милая! Мы с тобой даже подружиться не успели, а уже погибаем. Вместе. Красиво, в шторм. Мне вроде бы и пора уже. А с другой стороны – не хочется...»

И вдруг мне показалось: бока чаши странным образом осветились, будто изнутри ее подсвечивали фонарем. Потом свет этот побагровел, после сменился синим... И очень быстро все кончилось. «Галлюцинация», – подумалось мне. И в ту же секунду я услышал усиленный громкоговорителем мужской голос: «Эй, на «Катти Сарк», вы живы? Берем вас за ноздрю!» Я вскинул глаза. Оказалось, что совсем рядом со мной движется спасательный катер и готовится брать меня на буксир...

Вот, собственно, и все. Меня очень быстро доставили на берег, и даже любимая «Катти Сарк», несмотря на жесткую буксировку, практически не пострадала.

Дед замолчал.

Молчали и слушатели. Первым не выдержал Макс. Он неуверенно, как на уроке по сложному предмету, спросил:

– Так я не понял... Откуда этот спасательный катер-то взялся?

– Проходил мимо. Случайным образом, – усмехнулся дед. – При том, что бортовое освещение на «Катти Сарк» не работало, а ночью в море что-либо увидеть можно только в пяти-семи метрах...

– И ты считаешь, что тебе этот катер... бог послал? – тихо произнесла Ася.

– Может, и бог, – задумчиво произнес дед. – Но скорее всего – она. – Он ласково, будто любимой женщины, коснулся своей чаши.

– Да ну, дедуль, – пожала плечами Ася. – Ты ведь взрослый человек. Образованный, умный. Вон кого только ни цитируешь, даже Станюковича! Сам, что ли, не знаешь: чудес не бывает?

– Бывают, – упрямо, по-мальчишески, ответил старик.

– Опять двадцать пять... – пробормотала Маша.

Она сидела мрачнее тучи. Даже дед, который традиционно видел и слышал только себя, почувствовал ее настроение, ласково спросил:

– Ты, наверно, устала, внученька?

– Да ну! – Она сбросила с коленей дурацкую накрахмаленную салфетку и встала. – Я думала, ты нам *правду* расскажешь!

– ...И миллионами своими поделишься! – поддержал сестру Макс. – А тут какие-то сказочки!

– Ах, вот оно что! – нахмурился дед. – Вам, значит, чужое богатство покоя не дает?!
Под его гневным взглядом Макс смутился, заерзал, залепетал:

– Ну почему же чужое? Мы все-таки твои внуки...

– Вы – взрослые. Самостоятельные. Умные люди, – назидательно произнес старик. – И если мечтаете о миллионах, отчего б вам не заработать их самим?

– Да я не это имел в виду! – совсем уж потерялся Макс.

– Неужели? – саркастически переспросил дед. – А по-моему, так глазами и рыщете. Оцениваете. Прикидываете, за сколько дом удастся продать, когда никчемный старикан кони двинет...

– Ну, знаешь что! – вспыхнула Маша. – Жили мы без твоих миллионов – и дальше проживем!

– А тогда сядь, – неожиданно миролюбиво попросил ее дед. – Расскажу, что дальше случилось.

– Еще одну сказочку? Как дурацкая железяка тебе чемодан с долларами ниспослала? – продолжила ерепениться Мария.

– Вроде того, – усмехнулся дед. – Я ведь тоже в ее чудесные силы не сразу поверил. Тоже сначала думал, как вы. Что просто повезло мне. Что катер спасательный рядом случайно оказался...

– Или всевышний тебе помог, – серьезно сказала Ася.

– Мне-то, старому атеисту? Это вряд ли, – с усмешкой отверг ее версию Шадурин-старший. – Но вы слушайте дальше.

Маше очень хотелось покинуть столовую – гордо, с прямой спиной. Что за сомнительное удовольствие, право, во втором часу ночи после тяжелой дороги не спать, а слушать бредни, коими их потчует старый болтун!.. Но она взглянула на брата... потом на сестру... И Макс, и Ася – оба выглядели усталыми. Но тем не менее смотрели на деда во все глаза и, похоже, с нетерпением предвкушали продолжение его истории. Ждут сказки. С нетерпением ждут.

«Сказала бы я вам, – устало подумала Маша, – что легенды про священные сосуды, способные исполнять желания, были очень популярны в эпоху пещерных людей. Красной нитью протянулись сквозь Античность и Средневековье. Их даже в восемнадцатом веке еще любили. Но сейчас-то на дворе двадцать первое столетие!»

Лично она в чудеса не верила. Категорически. И никогда бы не подумала, что брат с сестрой, родная кровь, окажутся такими падкими на глупые, сладкие сказочки... И дед тоже хорош. Нет бы просто пообещать, что свою виллу им отпишет, а то развел какую-то болтовню.

Старик Шадурин между тем Машиных терзаний не замечал. Удобно раскинулся на своем хозяйском стуле и продолжал рассказ.

– Итак, с той авантюрной рыбалки я вернулся живым. И, кстати, побил абсолютный рекорд поселка по улову. Прежний Кольке Раенко с улицы Удалова Щель принадлежал, он однажды двадцать килограммов ставриды притаранил, а мои-то рыбешки на все двадцать пять потянули!.. И жарил их, и уху варил, и на солнышке вялил... Надолго хватило, тем более что больше уж в том месяце я на рыбалку не выходил. Штормы были жуткие, порывы ветра до шестидесяти метров в секунду доходили. Да вы, наверно, по телевизору видели – наш Краснодарский край тогда чуть не каждый вечер в «Новостях» показывали... Как река Буран из берегов вышла... Как палаточный лагерь – придумали тоже, прямо на пляже располагаться, и когда – в марте! – к богу в рай снесло...

– Да что-то вроде было, – неуверенно пробормотал Макс.

Он явно ни о каких штормах, тем более полугодовой давности, не помнил.

А Маша ехидно произнесла:

– Папа тебя как раз тогда на переговорную вызывал. В марте. Беспokoился. Спрашивал, не нужна ли помощь. Не течет ли крыша, и мало ли еще что. Хотел денег тебе выслать. Но

ты сказал, что у тебя дом – почище иной крепости. Девятый вал выдержит. И пенсии вполне хватает.

– Было такое, – кивнул дед. – Но только я вам тогда неправду сказал...

– Почему? – удивленно воскликнула Ася.

– А потому, что одалживаться не люблю. Тем более у вашего папеньки. Младшего своего, Митьку, я бы попросил, да, а Клима, бату вашего, не хотел, – отрезал старик. – Хотя дела у меня тогда были – дай боже. Вы ведь мой прежний дом помните? Практически без фундамента, доски – гнилые, я их с бешеной скидкой брал, и крыша из шифера, бэу, я его у сторожей заброшенной больницы покупал. В общем, спичечный коробок. Крыша течет, в стены дует, стекла повывивало. Плюс скважину я только на двадцать метров, до песка, вырыл – на большее средств не хватило, – и мне ее быстро заилило, не то что попить – мыться и то противно... Но я не роптал. Едва ветер стихнет – тут же на крышу, подлатывать. Питьевую воду покупал в поселке и таскал сюда на своем горбу. Представляете: проливной дождь, ветер, а я топаю с пятилитровыми баллонами по грязи.

– Так позвонил бы! Мы бы приехали! – воскликнула сердобольная Ася.

– Приехала бы ты, – по-доброму усмехнулся дед. – Ты ж тогда практически на сносях была!

– Ну, Машка бы приехала. Или Макс.

– У Маши – институт. У Макса – турниры, – пожал плечами дед. – Да и чем тут можно помочь? Строить нужно было капитально, на века. А я с экономией, чтоб подешевле, попроще... Вот и доэкономился. Двадцать шестого марта – я этот день как сейчас помню – с гор сель сошел. Мощнейший. В поселке и то не все дома устояли. Кому крышу сорвало, у кого фундамент подмыло. А здесь лес и горы – в двух шагах. Так что шансов у моего курятника не было. Сложился он, будто карточный домик. Эффектная картина была: гряда досок, а под ними – весь мой скарб... Хорошо я сам в тот момент на улице был, меня только камнями слегка побило.

Тут уж и строгая Маша не удержалась. Выдохнула:

– Какой ужас!..

А Макс с упреком сказал:

– И ты нам не позвонил?!

– А что звонить? – по-мальчишески обиженно буркнул дед. – Что я, Клима не знаю? Вот был бы Митька – он бы меня понял, а ваш папенька только отчитывать бы взялся. Почему, мол, благоустроенную квартиру в поселке продал и в леса подался?! Сам, получается, и виноват. Потому что в поселке, в Абрикосовке, пострадали по мелочи, а я, как в сказке, остался у разбитого корыта. Мне ваш папаша вместо поддержки ровно такое и сказал бы.

Шадурини-младшие переглянулись. Дед был прав. Их отца хлебом не корми, дай поязвить на тему «причуд нашего южного бирюка». Папа у них правильный, у него вся жизнь идет по схеме и по раз и навсегда заданному алгоритму. И одинокое бытие в лесу в его *modus vivendi* не вписывается никак.

– Да что там, дело прошлое. – Дед невесело усмехнулся. – Знаете, что забавно получилось? Туалет – помните, будочка стояла в конце огорода? – устоял прекрасно. Вот и остался я с небольшим барахлишком, что удалось вытащить из-под обломков. И при туалете. А еще грядка, где я редиску посадил, сохранилась.

– Нужно было лететь к нам, в Москву! – воскликнула Ася.

– А я, признаться, о том и подумывал, – вздохнул дед. – Не хотелось мне, но уж больно положение отчаянное... Но до Москвы ведь билет нужен. А у меня до пенсии – еще целая неделя.

– А нам позвонить – ты слишком гордый, – буркнул Макс.

– Хотел уже звонить, – признался дед. – Но не успел. Потому что, когда я чуть не в десятый раз обходил свое разоренное владение, в глаза мне вдруг бросился какой-то странный, подсвеченный синевой блеск. Что-то светилось в стороне, где у меня кусты малины были... Я бросился туда. И обнаружил: в грязи лежит эта самая чаша. – Он с любовью покосился на стол, где до сих пор красовался его любимый раритет.

Маша не удержалась – фыркнула. А дед продолжал:

– Я почему-то очень этой находке обрадовался, хотя, конечно, ни про какое *чудо* в тот момент не думал, а про историю со штормом уже успел позабыть. Мне было просто приятно обнаружить еще одну, выжившую, несмотря на стихию, дорогую мне вещь. Я поднял чашу, прижал ее к себе – и вдруг увидел, что в грязи, точно в том месте, где она находилась, валяется какая-то пестрая бумажка. Я поднял ее – то оказался лотерейный билет.

– Че-го? – изумленно протянула Ася.

– Лотерейный билет, – повторил старик. – Знаете, такая на всю страну идет дуриловка – называется «Золотой сундучок»? Пятьдесят рублей за штуку, тиражи по субботам, ведущий – такой противный лысый хлюст?

– Не знаю, – пожал плечами Маша. – Я с государством в азартные игры не играю.

– Да я тоже не играю! – горячо воскликнул дед. – За всю жизнь единственный раз билет купил. Этот. И то потому, что у кассирши сдачи не оказалось. Вот она и всучила мне его, а я положил билет в шкаф и напрочь о нем забыл. И вдруг, весьма неожиданно, билет снова попадает мне на глаза... Вот я и подумал: а чем черт не шутит? Очки мои, к счастью, уцелели, и я смог увидеть, что розыгрыш уже состоялся – в минувшую субботу. И я подхватил свой жалкий скарб и отправился в поселок. Зайду, думаю, на всякий случай в сберкассу, проверю. Вдруг какие полсотни рублишек выиграл? Будет хоть на какие деньги несколько дней перекаптоваться... И что вы думаете? Прихожу в сберкассу, прошу таблицу выигрышей – и у меня едва сердце не останавливается. Там первая строчка, как сейчас помню, такая была: «*Джекпот, который прирастал двадцать тиражей подряд, наконец-то разыгран!*» И дальше – идет номер как раз моего билета!..

– Мистика, – прошептала Ася.

– И сколько же ты выиграл? – требовательно спросил Макс.

– В пересчете на доллары – почти миллион! – гордо произнес дед. – Как раз хватило – и виллу построить, причем работяги у меня в три смены пахали, и машину купить, и шоферу с Аришей за год вперед зарплату выплатить!

– Такого не бывает, – покачала головой Маша. – Я читала: в этих лотереях все крупные выигрыши организаторы на подставных лиц выписывают. А потом между собой делят.

– И тем не менее, – усмехнулся дед. – Дом – сами видите. И джип. А к организаторам лотерей я, как вы понимаете, никакого отношения не имею.

– А нам ничего не сказал... – с укором произнесла Ася. И тут же поспешно добавила: – Я не в плане, чтобы деньгами делиться, просто такое событие! Вместе бы порадовались!

– Извини, Ася. – Дед прижал руки к груди. – Но посуды сама: своими бедами я с вами никогда не делился. Вот и богатством – тоже не захотел.

Ася попыталась что-то сказать, но Шадулин-старший ее перебил:

– Нет-нет, я, конечно, не имею в виду, что вы бы *претендовали* на мои деньги. Но я ведь знаю вашего папеньку. Тут же бы началось: «Вкладывать деньги в роскошный дом – да в такой глуши?! Покупать дорогую машину?! Неразумно! Неэкономно! Нужно в сберкассу их положить – и безбедно существовать на проценты!» Так скучно... Я-то совсем по-другому мечтал: прожить остаток своих дней так, как хочется именно мне. И я, – он гордо обвел взглядом свой роскошный холл (свечи в старинных канделябрах уже почти догорели), – своей цели добился.

– Что ж, дед, мы рады, – слабо улыбнулась Маша.

Она по-прежнему не сомневалась: обе дедовы истории – и про несостоявшееся кораблекрушение, и про лотерейный билет – не более чем сказки. Но не спорить же со стариком! К тому же вон какое у него лицо волевое да упрямое. Человек еще при Сталине начал нелегальный бизнес вертеть, во времена застоя подпольными цехами владел, два срока отсидел – разве такой признается в истинном источнике своего богатства?..

А вот Ася с Максом деду если и не поверили, но находятся явно под впечатлением. И смотрят на чашу, которая по-прежнему красуется на столе, с неприкрытым интересом.

– Ладно, ребятки, идите спать, – улыбнулся им дед. И обратился к внуку: – Если хочешь, Максим, можешь чашу потрогать. Теперь – разрешаю.

Макс осторожно, будто щеки Спящей красавицы, коснулся холодного металла. И изумленно выдохнул:

– Теплая...

На следующий день. Ася

Никитка проснулся с первыми лучами зимнего солнца – в половине девятого. Сел в своей кровати, удивленно повертел головой: «Где это я?» Одежда с мишками и настольная лампа в форме старинного канделябра заинтересовали его ровно на минуту, а потом он немедленно взялся пиццать, подняв Асю.

– Зайка, ну поспи еще, миленький, пожалуйста!.. – простонала она в полусне.

Но что ее уговоры семимесячному малышу? Орет все громче и громче, чтоб мама уж наверняка проснулась.

– Наказание ты мое... – выдохнула Ася.

Открыла глаза, вылезла из-под одеяла. Голова раскалывалась, в глазах щипало. Вдруг вспомнилось, как одна подружка – бездетная – говорила: «Если бог хочет наказать человека, он посылает ему ребенка». Пожалуй, подруга права...

Но стоило окончательно проснуться, взглянуть на малыша – такого свеженького, глаза сияют любопытством, – и настроение сразу стало улучшаться.

Ребенок ведь не виноват, что проснулся ранним утром, – детям так положено. Откуда ему знать, что мама только к четырем утра заснула? Ночью он почти не орал – и на том спасибо.

– Доброе утро, Никитка! – поприветствовала Ася сына.

– Бу-у-у! – радостно откликнулся тот. И протянул ручки – обниматься.

Она с удовольствием вынула его из кровати, поцеловала и посадила к себе на постель. Сменила теплую со сна пижамку на свитер и ползунки. А теперь внимание! Аттракцион: удастся ли одеться самой и одновременно проследить, чтобы малыш не сверзился с кровати? Никитка в последнее время – ползучая катастрофа. Носится на четвереньках со страшной скоростью – кровать, даже двуспальную, пересекает за пару секунд.

Одеться удалось, потому как Никитка выбрал себе другую забаву: Ася с трудом оттащила сына от спинки кровати, которую он с аппетитом пробовал на свой первый зуб. Ася покачала головой – на светлом дереве остались видимые отметины, дед, наверно, рассердится – и предложила:

– Пойдем ползать?

– У-у-у! – с готовностью откликнулся сын.

Ася подхватила его под мышку и вышла из спальни.

Весь дом, похоже, еще спал – ни единого звука не доносилось, только море где-то вдалеке шумело. Что ж, имеют право. Дед – старенький, а брат с сестрой – свободные... И Ася, чтобы не будить счастливых, решила унести малыша куда-нибудь подальше.

Дед вчера показывал, что на третьем этаже в его вилле расположен солярий – огромная светлая комната со стеклянными стенами и стеклянным же потолком. И на полу, отметила еще тогда практичная Ася, огромный и достаточно чистый ковер – будет малышу где поползать.

«А я, если получится, в кресле подремлю», – подумала она.

И отправилась на третий этаж. Никитка ехал на ее руках молча – только головой вертел, и Ася его прекрасно понимала. Столько, на его детский взгляд, кругом интересного! По стенам, вдоль лестницы, – картины с корабликами. Перила – по виду бронзовые и так смешно изогнуты. А как ступеньки интересно поскрипывают!..

До солярия добрались без приключений. Ася с облегчением опустила сына на пол – вот тяжеленный стал! – и Никитка с готовностью стартанул по пушистому, необъятных размеров ковру. А она цепким материнским взглядом осмотрела помещение – выискивала потенциальные опасности. Стеклянные стены Никитке, наверно, разбить не под силу. А вот огромные антикварные вазы, что расположены по четырем углам комнаты, он опрокинет запросто. И цветы, что стоят в своих горшках прямо на полу, здесь тоже явно лишние – на Никиткин, конечно, взгляд. И кофейный столик, сплошь из стекла, малыша, разумеется, заинтересует. А уж часы – небольшие, но по виду бронзовые – и вовсе суперпредмет. Особенно если стучать ими по стеклянному столу. Да уж, подремать в кресле ей, похоже, не удастся.

И Ася, то и дело поглядывая на сына (пока что он вполне безопасно ползал вокруг кожного дивана), подошла к огромной стене-окну. Ух, ну и вид! Море будто бы совсем рядом полощется. В дедовом прежнем, бедненьком и самодельном поместье, чтобы море увидеть, нужно было лезть по крутой и опасной лестнице в некое подобие голубятни. А тут – просто встань у окна и наслаждайся бескрайней свинцовой гладью. И чайками, что тревожно кружат над кромкой побережья. И тем покоем, который невольно разливается по телу, когда смотришь на водную стихию...

«Эх, сейчас бы еще в кресло упасть, в плед из альпаки закутаться, да чтобы Арина чайку горяченького подала, да с пирожными! – раз мечталась Ася. – И с малышом пусть гувернантка возится, а я бы только издали наблюдала и пару раз в час подходила его поцеловать!»

Положительно, богатство – даже чужое – действует на человека разлагающе. В их-то скромной московской квартирке подобных мыслей сроду не возникало. Наоборот – Ася привыкла, что именно она всегда и *подает, и подносит, и возится*.

«Нет, дед – молодец, – думала Ася. – Откуда бы ни взялись на самом деле его миллионы – распорядился он ими правильно. Пусть все говорят, что строить в подобной глуши такой роскошный дом неразумно. Ну и ладно, что неразумно. Зато красиво».

Море хоть и зима, а все равно не просто серое, сверкает целой палитрой. Тут и черные краски, и пенная седина, и даже, в робких солнечных лучах, вполне летняя лазурь. Зря папа называет деда чудачком. Даже ради одного этого вида стоило уехать из поселка сюда, в лес... Вот дядя Митя, будь он жив, наверняка бы такой дом оценил.

...А Никитка тем временем подполз к Асе, уперся одной ладошкой в стену-окно, а второй – в ее колено, закричал и поднялся на ноги. И тоже уставился на море. Стоит смирно, глазеет – вот уж нетипично для человека, который и минуты на одном месте не может усидеть! И только восхищенно повторяет:

– А-а! А-а!

Нравится, значит, ему.

– А вот вырастешь – дед тебя на катере покатает, – пообещала малышу мама.

От ладоней Никиты на стекле остались отпечатки, и Ася взялась было протирать их носовым платком, но быстро это занятие прекратила. Во-первых, Никитка воспринял ее уборку за игру – и тут же стал шлепать ладошками еще бойчее. А во-вторых, хоть богатство и дедово, но ведь можно им попользоваться хоть чуток? Пусть горничная Арина вытирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.